

Искорка

№ 1

Январь 1965 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган Ленинградского
промышленного и сельского областных
комитетов ВЛКСМ, Ленинградского
Горкома ВЛКСМ и Ленинградского Совета
пионерской организации имени В. И. Ленина

Н. Егоров

Вот так метелица!

Скользко до риска!
Скользко,
Морозно.
Метель-фигуристка
Метёт виртуозно.
В парке на взгорке
Пишет восьмёрки,
А на бульваре,
Вычертив круг,
Сальто-мортале
Крутит без рук.
Сальто-мортале
Крутит.
И вдруг
Снегосшибательный
Делает трюк.
Лыжника ловко
Снег ослепил.
Лыжник сноровкой
Всех удивил:
Лихо проехал
Он на спине!
Бабке от смеха
Тесно в окне!
Бабке от смеха
Удержу нет,
Выкрутил здорово
Дед
Пируэт!
Крутится
Стелется
Снег озорной.
Мчится метелица
В школу со мной.

Рис. В. Адаева

✱

ДЛЯ вас, юные читатели «Искорки», события шестидесятилетней давности — это далёкая, очень далёкая история. О ней вам рассказывают учебники, книги, кинофильмы.

Но рядом с вами живут люди, для которых 1905 год — воспоминания боевой юности.

Фёдор Захарович Евсеев, старому питерскому рабочему, члену партии Ленина с 1904 года, сейчас 79 лет. Этот большой и всё ещё могучий человек часто бывает на заводах, в школах нашего города. Рассказывает о том, что довелось ему пережить, когда над страной было поднято знамя первой русской революции.

Эта маленькая повесть о трёх январских днях 1905 года во многом основана на материале жизни Фёдора Захаровича Евсеева. Остальное доснажали документы.

✱

Г. Петров

Рисунки П. Вискова

Морозный воздух обжѣг лицо, защищал ноздри. Фёдор засунул руки поглубже в карманы пальто, быстро зашагал к заводу. Этот недолгий путь стал настолько привычным, что даже во сне ноги сами привели бы его к проходной. Фёдор усмехнулся, вспомнив, каким пугливым желторотым мальчонкой был он, когда пять лет назад отец впервые привёл его на Трубочный. Он только что приехал из деревни, где мать круглый день хлопотала, не разгибая спины, а ребятишки всё равно были голы, босы и вечно ныли: «Мамка, дай

хлебушка, есть охота!» И тринадцатилетний Фёдор поехал зарабатывать хлеб...

— Сосед, подожди! — прервал вдруг воспоминания голос Василия Голубева.

Василий догнал Фёдора, зашагал вровень. Они жили в одном доме, их станки в мастерской стояли рядом.

— Ну, как там, на Путиловском?

— Бастуют. Все двенадцать тысяч, как один.

Василий не то восхищённо, не то испуганно покрутил головой:

— Подумать только! Четы-

рёх уволили — и весь завод стал! Ведь и раньше мастера обсчитывали, и штрафовали, и рабочих ни за что прогоняли, а таких забастовок не было.

— Значит, терпенье лопнуло,

— А кто ещё забастовал? — жадно спросил Василий.

— Франко-Русский стоит, а там, считай, тысячи две с половиной нашего брата. Позавчера Невский судостроительный остановился — ещё тысяч шесть. А сегодня ещё больше будет.

— Ну, дела! И откуда вы, большевики, всё знаете?

— Говорю, — значит, знаю.

— А почитать есть? — шепнул Василий.

Фёдор кивнул головой, сунул руку за пазуху, нащупал под рубашкой тонкую пачку листовок. С тех пор как в прошлом году его приняли в партию, он пронёс на завод уже не одну сотню таких листков. Порой отпечатаны они были на серой обёрточной бумаге, буквы были подслеповаты, но какой заряд таился в этих строчках! И сверху на каждой листовке стояли волнующие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Если бы Сизый поймал его с прокламациями — прощай, завод, прощай, свобода...

Сизый и сейчас был на своём месте — старший сторож, продажная душа. Его огромный цветистый нос сегодня был ещё ярче, от мороза, наверно. Маленькие свинячьи глазки шарили по каждому рабочему,

проходившему через проходную.

Уж, кажется, можно было привыкнуть к риску, но каждый раз, когда шёл с нелегальщиной, Фёдор чувствовал перед проходной лёгкий озноб и злился за это на себя.

Сегодня сторожей было вдвое больше обычного. Фёдор сделал сонный невозмутимый вид, вразвалочку, даже медленнее других, прошёл мимо Сизого. На заводском дворе облегчённо вздохнул: и на этот раз обошлось!

До начала работы было ещё минут десять. Фёдор прошёл по мастерской, кивком здороваясь с товарищами. Незамет-

но клал в ящики верстаков листовки. Несколько штук положил возле точила — сюда приходили подправить инструмент, здесь можно было без опаски перемолвиться словом.

Монотонно, обычно пели станки. Но было сегодня что-то особое во взглядах, коротких разговорах рабочих. Казалось, в самом воздухе висело тревожное ожидание. Так, поглядывая на клубящуюся над головой тучу, ждут первого раската грома...

Фёдор посмотрел на часы. Пора.

Неожиданно наступила тишина. Умолкли, словно поперхнувшись, станки. Это Фёдор сбросил ремень со шкива трансмиссии, вышел на середину мастерской.

— Товарищи! — словно чужой, басовито и гулко прозвучал его голос. — Сейчас у конторы соберётся весь завод. Нам расскажут о забастовке путиловцев. Выходите во двор!

Впервые Фёдор говорил вот так — не таясь, открыто, в лицо. Впервые звал за собой многих. И они шли.

У конторы уже колыхалась толпа. Над ней густо мельтешили пушистые хлопья снега. Головы у всех были белыми, словно их обмотали свежими бинтами.

Рядом с Фёдором оказался Василий. Он оглядывался на опустевшие мастерские, переминался с ноги на ногу. Потом толкнул Фёдора локтем:

— Смотри-ка, все работу бросили. А мастер — вон у сте-

ны стоит, глаза таращит. Небось, приметил, кто зачинщик. Как бы не уволили тебя, паря.

— Не твоя печаль, — усмехнулся Фёдор. — А если за себя боишься — иди, стой возле станка. Мастер похвалит.

— А я не боюсь, — обиженно прогудел Василий. — Я как все.

На крыльцо конторы поднялся широкоплечий пожилой рабочий. Снял заячью шапку, откашлялся, глуховато бросил в толпу:

— Товарищи! Время пришло боевое. У нас пока об этом по углам говорят. А давайте лучше все вместе посоветуемся, как быть и что делать. Разрешите сказать, что думаю?

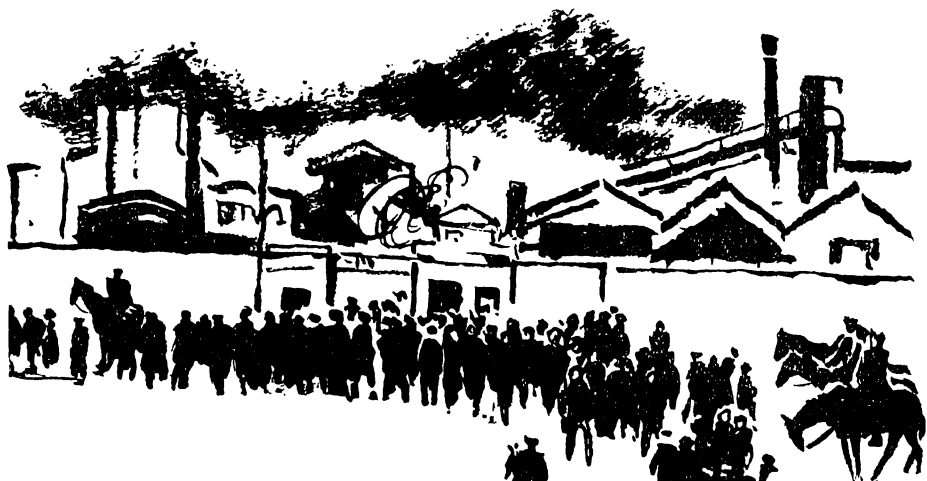
— Давай, Петрович!

— Говори, слушаем!

Степана Петровича знали многие. А Фёдору он был вроде отца. Из рук Петровича он впервые получил тонкий, почти прозрачный лист с названием «Искра». Это была газета, которую создал Ленин. А потом, когда Фёдора принимали в партию Ленина, дядя Степан поручился за него.

И всё-таки Фёдор даже не подозревал, что немногословный, основательный Степан Петрович может говорить так же горячо, ярко, как телистовки, которые он давал ему:

— Товарищи! Долго мы терпели! Обижали нас и оскорбляли все, кто только этого желал. В душных мастерских, при жаре и сквозном ветре, изо дня в день, из ночи в ночь тянули мы свою каторжную

жизнь. Наши мучители наживают нашим трудом огромные богатства, а мы живём в конурах, впроголодь, как рабы. Довольно! Настало время сбросить с себя тяжёлое ярмо. Уже несколько крупных заводов Петербурга объявили забастовку. Теперь очередь за нами. Вставайте под красное знамя Российской социал-демократической рабочей партии! Это знамя борьбы за лучшую жизнь!

Петрович не заметил, что из дверей конторы вышел и стал рядом с ним молодой розовощёкий офицер. На Трубочном всё начальство ходило в погонах, но этот был незнаком.

Выждав удобный момент, офицер шагнул к перилам, предупредительно поднял руку в белой перчатке и раскатисто, словно на полковом смотре, закричал:

— Рабочие! Начальник завода приказал передать вам, чтобы вы немедленно приступили к работе. Не слушайте этого смутьяна. Вам не по дороге с заговорщиками. Если забастуете — лишитесь зара-

ботка. Не заставляйте ваших жён и детей голодать...

— Гляди, какой добрый, — неожиданно для себя громко сказал Фёдор. — Ты бы о наших заработках раньше позаботился.

В толпе засмеялись. Но Ва-

силий снова толкнул Фёдора в бок: мол, не нарывайся. Фёдор только досадливо повёл плечом.

Офицер оправился от минутной заминки, набрал побольше воздуха и затрубил ещё громче:

— Рабочие! Наш завод— военного ведомства. Мы выпускаем снаряды для наших доблестных войск. Хорошо работать—ваш святой долг перед отечеством и государем императором. Здесь, далеко от фронта, вы куёте скорую победу над ненавистным японцем..

Эти слова толпа встретила рёвом. Будь офицер поумнее, он не завёл бы речь о войне, бессмысленной и бесславной. А сейчас он против своего желания лишь подлил масла в огонь.

Теперь уже ни посулы, ни угрозы не могли остановить людей. Они хлынули к воротам.

Людская лавина катилась вдоль 23-й и Косой линий, навстречу ей из ворот мелких фабрик, заводиков и мастерских выходили всё новые и новые группы рабочих. Забастовка! Довольно гнуть спину на хозяев! Могучая, как наводнение, сила несла Фёдора, он чувствовал себя её частицей и был счастлив. И совсем не обращал внимания на то, что возле заводских ворот гарцевала сотня улан, что по улицам цокали копыта казачьих коней, что время от времени по булыжнику громыхали колёса пушек...

К вечеру 7 января на Васильевском встали Балтийский судостроительный, Проволочный и Гвоздильный, Электротехнический Симменса и Гальске, табачная фабрика «Лаферм» и многие другие заводы и фабрики. А во всём Петербурге бастовало больше ста тысяч рабочих.

На следующий день присодинилась ещё добрая сотня заводов. Встали конки. Не вышли газеты. Погас свет. Рабочий Питер показал властям, в чьих руках жизнь полуторамиллионного города.

Фёдора всё это радовало. Но Петрович был хмур:

— Не нравится мне полиция последнее время.

Фёдор хохотнул:

— А раньше она тебе очень нравилась, дядя Степан?

Петрович словно не слышал озорного вопроса.

— Никого из наших не тревожили обыском, никого не арестовали. А ведь почти все в эти дни говорили на виду у жандармов... Ты к гапоновцам ходил?

— Зачем мне ходить, у меня свой под боком есть, — с горечью сказал Фёдор.

С тех пор, как ни чем особенным не знаменитый раньше священник пересыльной тюрьмы Георгий Гапон организовал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга», для Фёдора не было имени ненавистнее. Этот красавец поп с чёрной бородой, ловкий и быстрый, как переодетый гвардейский офицер, поссорил его с отцом. Отец Фёдора, ста-

рый рабочий, выдавший всякие виды на своём веку, клюнул на поповскую удочку. Развесил иконы во всю стену, о господе боге и государе-императоре стал говорить с дрожью в голосе. И всё ждал, что Гапон укажет ему путь к счастливой жизни.

Последнее время Фёдор почти не разговаривал с отцом.

Петрович похлопал Фёдора по плечу:

— Что поделаешь, парень. Не одному твоему батьке этот чёртов поп голову задурил.

Василеостровский отдел гапоновского «Собрания» помещался на Четвёртой линии, 35. Петрович и Фёдор издали увидели огромную неподвижную тёмную массу. Люди теснились в дверях, сгрудились у окон, запрудили мостовую. Многие стояли с непокрытыми головами, из толпы слышались рыдания женщин.

Вот уже несколько дней во всех двенадцати отделах «Собрания» обсуждали петицию. Вскоре после начала забастовки на Путиловском Гапон и его помощники написали эту бумагу — просьбу, жалобу, почти молитву. От имени всех питерских рабочих Гапон обещал передать её самому царю из рук в руки. Вот он, обещанный путь к счастливой жизни!

Сквозь раскрытые окна долетали слова петиции:

— «...Пришли к тебе, государь, искать правды и защиты... нас угнетают... терпеть свою горькую участь... Нет больше сил, государь... лучше

смерть, чем продолжение невыносимых мук...»

Фёдор слушал невнимательно, но когда чтец дошёл до требований, насторожился.

— «Требуем, — гремел голос, — немедленного освобождения и возвращения всех пострадавших за политические убеждения и стачки.

— Правильно! — прокатилось по толпе.

— «Немедленно объявить свободу и неприкосновенность личности».

— Правильно! — отозвались сотни голосов.

— «Общее обязательное народное образование».

— За счёт государства, — крикнул кто-то.

— Верно! — поддержала толпа.

— «Прекращение войны по воле народа».

— Правильно! Долой войну! Чтец кончил, перекрестился.

Толпа начала редеть. Но тут раздался знакомый голос Степана Петровича:

— Товарищи! Свободу не вымаливают — её завоёвывают с оружием в руках. Не просить надо царя, а сбросить его с престола — только так можно добиться свободы. Ни от царей, ни от попов вы её не дождётесь...

— Не хотим слушать! — гаркнули из передних рядов. — Нам агитаторов не надо. Сами с усами!

— Товарищи! — не сдавался Петрович. — Вас ведут под пули. Город забит войсками...

Свист и крики перекрыли его голос. Петрович махнул рукой и выбрался из толпы. К нему подошёл Фёдор, сказал удручённо:

— Не слушают нас...

— Не слушают, говоришь? — прищурился Петрович. — А петицию слышал? Там от Гапона только «молим тебя, государь, верноподданные твои чада» осталось. А смысл весь наш, большевистский. Гапон-то вообще был против политических требований. Да видишь, не вышло. Вот тебе и «не слушают». А насчет этого шествия — тоже неудивительно. Темноты ещё много.

Петрович помолчал. Добавил твёрдо:

— Поймут. Жизнь сама научит. Боюсь только, дорогой ценой за эту науку заплатить придётся. И нам — первым...

— Мы тоже пойдём к Зимнему? — удивился Фёдор.

— Обязательно. Так комитет решил.

Дома Фёдора встретил торжествующий отец:

— Ну что, большевик, на печке будешь завтра отсиживаться?

— Нет, батя, к царю пойду, — улыбнулся Фёдор.

Отец крикнул, недоверчиво посмотрел на сына и пошёл к иконам — о чём-то просить своих святых.

Утро 9 января 1905 года встретило Фёдора весёлым солнцем, прозрачным нежно-голубым небом. Снег искрился, сугробы отбрасывали лёгкие розоватые тени.

Люди, попадавшие на встречу, в согласии с погожим днём были настроены празднично. Принарядившиеся рабочие, мужчины и женщины, как и накануне, собрались на Четвёртой линии у дома гапоновского «Собрания». Толпа сдержанно гудела. Только вокруг большевиков всё время вскипали выкрики.

Фёдор тоже спорил до хрипоты, пока не понял, что ничего уже не изменишь. Устало прислонился к стене. К нему подошёл Василий в щеголеватой, сдвинутой на ухо папaxe. Усмехнулся:

— Что, сосед, положили тебя на обе лопатки?

— А ты чему радуешься? — огрызнулся Фёдор. — Погоди, попробуешь нагайки — по-другому запоёшь.

— Я — как все. Народ идёт — и я иду. Да что ты страху нагоняешь? Придём, царю покажемся, на него посмотрим, чем не театр!

В толпе началось движение.

Гапоновские доверенные люди, среди них отец Фёдора, что-то говорили. К рабочим Трубочного завода тоже подошёл один. Его ослепительно рыжая борода сверкала на солнце, словно начищенный медный поднос.

— Товарищи, — сказал рыжебородый. — Пора идти ко дворцу, к государю нашему. Постройтесь по двадцать человек в ряд, возьмитесь под руки. Пойдём мирно. Ни красных флагов, ни дерзких слов чтобы не было.

Фёдор шевельнул желваками. За пазухой у него лежало свёрнутое кумачовое полотнище. Был бы у него револьвер, как у Петровича, тоже бы взял.

— В два часа рабочие всего Питера соберутся перед Зимним дворцом, — продолжал рыжебородый. — Там станем на колени, а отец Гапон пойдёт к государю с нашей петицией. Подождём с полчаса, государь выйдет на балкон, и тут мы крикнем «Ура!». Великое дело предстоит нам сегодня и великая радость...

— А пули да штыки — тоже радость?! — с вызовом крикнул Фёдор. — Товарищи! Не допустим, чтобы напрасно пролилась рабочая кровь!

Толпа враждебно загудела. Рыжебородый спокойно, с чувством превосходства посмотрел на Фёдора, сказал наставительно:

— Никто в вас стрелять не будет. Мы ведь не японцы. А войска для порядка нужны,

чтобы такие, как ты, горлодёры не безобразничали.

Позади кто-то засмеялся. Рыжебородый поднял руку, требуя тишины:

— Замолчи. Не порти людям светлый день. Государь — наш отец и защитит нас от негодных слуг своих...

Колонна построилась. Головой она упиралась в Средний проспект, хвост терялся у Малого. Кое-где над головами торчали портреты царя. Равнодушное лицо Николая холодно, свысока смотрело мимо людей.

Впереди раздалось пение:

— Отче наш, иже еси... да светится имя твое, да придёт царствие твое...

Вокруг Фёдора подхватили молитву, стаскивая шапки и крестясь.

Колонна медленно, чинно двинулась к набережной.

Но путь её оказался недолгим.

Вдоль парапета, сколько видел глаз, была развёрнута ровная серая лента солдат. С ружьями у ноги, они казались пугающе одноликими. Чуть поодаль стоял наготове эскадрон улан.

Шествие остановилось шагах в тридцати от солдатской цепи. В этот миг тонко сверкнули штыки — солдаты взяли винтовки на руку, чёрные отверстия дул уставились на рабочих.

Передние, не ожидавшие такой встречи, попятились. Задние, не понимая, почему остановка, напирали.

К колонне подскакал офи-

цер, приподнял в стремях тучное тело, пронзительно пропел тенором:

— Ра-а-зойдись! По-о-вора-чивай!

От шествия отделилось несколько человек — делегаты. Они подняли над головами белые платки, кланялись, выворачивали карманы: мол, нет у

нас оружия, с голыми руками идём.

В толпе, стараясь помочь делегатам, повыше подняли портреты царя. Мальчик, недоуменно глядя на солдат, вытянул перед собой руки с иконой.

Офицер был неподвижен, как статуя. Потом, в ответ на все путанные и горячие речи гапоновских делегатов, бросил короткое:

— Назад!

Толпа зашумела. Делегаты снова стали что-то доказывать офицеру.

Вдруг пропела труба. Её слышали только передние ряды, но и они не поняли сигнала. В ту же минуту на людей с палашами наголо ринулись уланы. Вздрыгнули кони. Палаши обрушились на головы, на плечи, на спины рабочих.

Первым под ноги коней свалился мальчик с иконой. Секунду слышался его тонкий, звенящий вопль. По маленькому телу прошли кованные копыта, размололи в труху икону.

Фёдора притиснули к стене Академии художеств так, что грудь затрещала, в глазах заплясали радужные круги. Потом людская масса потащила его, словно песчинку, бросила в Академический переулок. Здесь было просторней. Уланы гнали дальше основную толпу рабочих. В переулке жались

к стенам несколько десятков перепуганных, ошеломлённых людей. Среди них были раненые.

Фёдор огляделся, ища Петровича и отца, но их не было. Взгляд его наткнулся на Василия. Тот потерял свою новую папаху, рукав тужурки был оторван, из него торчала вата. Василий, морщась, растирал ушибленную руку.

— Ну что, дурень, поговорил с царём? Хорош театр?

Василий молчал. Спросил только:

— Что делать-то будем?

Фёдор вспомнил предупреждение Петровича: в случае неудачи возвращаться на Четвёртую линию, 35.

— Пошли, — сказал он Василию.

У Большого проспекта их встретили возвращавшиеся к набережной уланы. Василий попытлся, но Фёдор удержал его. За ними шли ещё несколько человек.

— Поднимай воротник, иди за мной, — сказал Фёдор твёрдо и шагнул навстречу конным. Впереди них ехал тот самый толстый офицер, который час назад стоял на набережной.

— Дайте этим хорошенько, — небрежно сказал он солдатам.

У Василия побелели губы.

— Господин офицер, мы ничего... мы домой...

И тут же охнул, схватившись за голову, — уланы пустили в ход палаша.

Фёдор с трудом выпрямил гудящую спину. Взглянул на

Василия. Тот нёс перед собой свои большие, сильные руки. Они посинели, вспухли, из-под содранной кожи пальцев сочилась кровь. В его глазах стояли слёзы. Фёдор взял его под локоть:

— Очень больно, Вася?

— Как же так? — сказал Василий каким-то чужим, незнакомым голосом... Казалось, он не чувствовал боли и не слышал вопроса. — За что? Разве мы рабы? Разве преступники?

У дома № 35 снова собралась толпа. Люди были те же, что и с утра. Но куда девалось их праздничное настроение, их вера в царскую милость! Одни были подавлены, другие сжимали кулаки и слали проклятия.

Откуда-то с другого берега Невы донёсся залп, за ним — торопливые щелчки отдельных выстрелов. Потом ещё залп, ещё... Все головы, словно по команде, обернулись на этот звук.

Фёдор увидел Петровича, бросился к нему.

— Жив? Цел? — обрадовался старый рабочий. — А я уж беспокоился — всё нет и нет. Ну, теперь за дело. Флаг при тебе? Разворачивай. Вот я древно припас.

Фёдор достал кумачовое полотнище, привязал к палке. Поднял над головой. Знамя полыхнуло алым пламенем, заплясали на ветру выведенные белой краской буквы: «Да здравствует социализм!»

К знамени, словно к яркому огню в ненастье, разом со всех

сторон потянулись люди. Подошёл и Василий — ему кто-то успел забинтовать руки. Фёдор огляделся, но так и не увидел отца.

Петрович подошёл к фонарю, попросил:

— Помогите-ка, братцы. Давно на столбы не лазил, разучился.

Чьи-то руки легко подбросили его, кто-то подставил плечи. Петрович одной рукой ухватился за столб, другой со сжатым кулаком взмахнул над устремлёнными к нему лицами:

— Вы шли к царю добиваться своих прав, а он встретил вас ударами сабель. В ваших товарищей из других районов стреляли — вы сами слышали залпы. Мы, большевики, с самого начала говорили, что у кровопийцы царя вы ничего не добьётесь, что он не друг, а враг народа. Теперь вы поняли, что значит ждать царской милости. Научитесь же силой добиваться своего. Собирайтесь под наши красные знамёна! Добывайте...

Петрович неожиданно замолчал. К ногам Фёдора упала его заячья шапка. Фёдор вскинул голову, и, не веря себе, увидел, как Петрович медленно сползает по стволу фонаря. Его подхватили, опустили на землю.

Фёдор отбросил знамя, рванулся к Петровичу:

— Что с тобой, что?!

И почувствовал, как из затылка Петровича густой сильной струёй бьёт кровь.

Оглянувшись на мгновение и

увидел, что от них удаляется конный разъезд. Казаки! Никто не заметил, как они подъехали. Никто в гуле толпы не услышал выстрела.

Глаза Петровича были открыты.

Он узнал склонившегося над ним, еле шевеля синюющими губами прошептал:

— Запомни... Садовая пятнадцать, квартира три... Зубной врач Коган... скажешь — прислал дядя... спросит, какой... ответь — купец... повтори...

— Дядя... купец, — машинально повторил Фёдор. И догадался: Петрович, умирая, передал ему партийную явку и пароль.

На плечо Фёдора легла чья-то рука, мягко, но настойчиво потянула. Фёдор обернулся. Рядом с ним стоял незнакомый человек, бритый, в пальто с чёрным барашковым воротником.

— Ему уже не поможешь, — сказал незнакомец. — А знамя возьми. Оно теперь всем нужно.

Фёдора колотило, губы дрожали.

Незнакомец пристально смотрел на него. Потом спросил:

— Ты в какой партии?

— Большевик.

Незнакомец кивнул, словно ждал именно такого ответа.

— Зови меня товарищ Марк. Завтра, если цел будешь, в девять утра приходи на угол Среднего и Восьмой линии, у булочной. Захвати надёжного

человека. Дело очень важное. Оружие есть?

— Оружие?

Фёдор наклонился к телу Петровича, вынул из бокового кармана пальто револьвер:

— Есть оружие.

— Вот и отлично! — Товарищ Марк обернулся, крикнул: — Строить баррикаду! Вали столбы, тащи брёвна. Покажем убийцам рабочую силу!

— Баррикаду! Баррикаду! — радостно и грозно подхватила толпа.

Люди нашли выход своей ярости. Откуда-то мигом притащили сани, из гапоновского «Собрания», никому теперь не нужного, выволокли столы, сложили в кучу. На другой стороне улицы стоял недостроенный дом — оттуда потащили кирпичи, доски, брёвна.

Фёдор увидел Василия. За это недолгое время его нерешительный, добродушный приятель стал неузнаваем. Подняв над собой огромные белые шары кулаков, он твердил, словно клятву:

— Оружия! Оружия! Оружия!

К ним подошёл какой-то студент:

— Товарищ Марк, я знаю, где взять оружие.

— Очень хорошо, Давыдов, — обрадовался товарищ Марк. — Берите людей, действуйте. Вот его возьмите, — кивнул он на Фёдора.

Студент привёл Фёдора, Василия и ещё десяток рабочих на Четырнадцатую линию. Остановился у дома, на котором висела вывеска: «Оружей-

ные мастерские Шаффа». Василий выковырнул булыжник, сбил висячий замок, рванул дверь.

В мастерских не было ничего, кроме старых сабель и кинжалов.

— Ружья спрятали, мерзавцы, — сокрушался Давыдов. — Знали, чем дело пахнет. Ну ничего, и это пригодится.

Когда они вернулись, баррикада была готова. Она поднялась выше человеческого роста. Над ней развевались два знамени: одно — Фёдора, другое — с надписью «Да здравствует свобода!». Перед баррикадой крест-накрест были навалены столбы, опутанные телефонными проводами.

По дороге Фёдор заметил, что такие же баррикады строят и на других улицах. В дело шло всё, что попадало под руку: телеги, сани, вагоны конок, бочки.

Над Васильевским островом звучала песня. Ещё совсем недавно здесь были слышны молитвы. А теперь рабочие пели «Марсельезу», гимн революции.

На Четвёртой линии командовал товарищ Марк. Держался спокойно, уверенно, словно всю жизнь строил баррикады. Вот он крикнул:

— Казаки! Товарищи, приготовиться!

Над баррикадой повисла напряжённая тишина. Со стороны набережной рысью шла казачья сотня. Сверкнули на солнце шашки. Вот уже перед самой баррикадой храпят морды коней. У самого гребня бар-

рикады — чужие, красные, дышащие ненавистью и водочным перегаром лица казаков. Но кони запутались в проводах, заграждения не дают казакам добраться до защитников баррикады. И они отступают. Вдогонку им несутся свист, насмешливые крики рабочих.

Но лицо товарища Марка не прояснилось. Он ждёт чего-то, всматриваясь в конец улицы. А там появилась серая шеренга солдат. Они идут плечо к плечу, в несколько рядов, занимая всю ширину улицы.

Солдаты остановились шагах в десяти от заграждения.

— Разобрать завал! — командовал офицер.

Солдаты, с опаской поглядывая на баррикаду, принялись растаскивать поваленные столбы.

В этот момент на гребень баррикады взобрался студент. Держась за древко знамени, выпрямился во весь рост, звонко, на всю улицу крикнул:

— Солдаты! Вас привели убивать рабочих, тех, кто требует лучшей жизни. Стыд и позор! Опомнитесь, солдаты! Вы — наши братья. Отдайте нам ваши ружья. Отказывайтесь стрелять в народ...

Офицер торопливо слез с коня, яростно размахивая револьвером, побежал к баррикаде, что-то крича.

Солдаты построились, подняли ружья к плечу, прицелились.

— Убивайте офицеров, которые заставляют вас лить кровь, — продолжал студент. —

Долой царя-убийцу! Да здравствует революция!

Офицер вскинул револьвер, выстрелил.

Студент выпустил из рук знамя, схватился за грудь, пошатнулся и упал навзничь.

За баррикадой закричали. В офицера полетели камни. Он втянул голову в плечи, рысцой отбежал подальше и оттуда, с безопасного расстояния, визгливо закричал:

— Огонь!

Грохнул нестройный залп. Тотчас же солдаты с ружьями наперевес пошли в атаку. Но каменный град и редкие выстрелы отогнали их. Они отошли и снова стали стрелять.

— Товарищи! — крикнул Марк. — Здесь мы не продержимся. Нас обходят с тыла. Уходите в дома, продолжайте борьбу там.

Часть защитников баррикады кинулась в гапоновское «Собрание». Большинство вместе с Марком, Фёдором и Василием перебежало в недостроенный дом напротив. Из домов в солдат полетели кирпичи.

Фёдор увидел из окна, как солдаты, остервенясь, полезли на баррикаду, сорвали знамя, стали топтать ногами. Его знамя! Фёдор выстрелил почти не целясь. Солдат вскрикнул, скатился на землю, дёрнулся и затих.

Солдаты бросились в дом «Собрания». Раздались крики, грохот, звон стёкол. Вскоре солдаты выволокли несколько человек, избивая прикладами повели.

— Эх, — скрипнул зубами товарищ Марк. — Нет винтовок. Одними кирпичами нам не отбиться.

Они спустились, пробежали по двору, перемахнули через забор. Тяжело дыша, остановились.

— Вот что, — сказал Марк. — Сейчас расходитесь. Тут уже ничего не сделаешь. А как стемнеет — снова выходите, ищите меня на Малом, у Четырнадцатой линии. Попробуем добыть оружие и тогда поговорим с этими мерзавцами.

Дома Фёдора встретила мать вся в слезах:

— Феденька, наконец-то! Я уж все глаза выплакала, жду не дождусь... А отец-то, видать, ума лишился. Лошадь его помяла, на руках принесли.

Отец сидел на кухне, вытянув замотанную тряпками толстую, как бревно, ногу. Рядом с ним лежала груда сорванных со стены икон. Отец рубил их косарём, словно щепал на лучину обыкновенное полено. От сухих тёмных досок со звоном отлетали щепки.

Если бы на Фёдора обрушился потолок, он и то не был бы так потрясён. Его отец, всё последнее время часами стоявший на коленях перед своими деревянными богами, теперь расправлялся с ними... Неужели сошёл с ума?!

— Что ты делаешь, батя!

— Скажи ему, сынок, — вмешалась мать. — Грех это, великий грех. Прогневит он царя небесного...

— Царя?! — рявкнул отец. — Все цари — кровососы, небесные и земные. Нет больше царей для меня, нет!

Фёдор сел на табуретку. Только сейчас он почувствовал, как устал за этот день. Прислонился к стене и застонал. Спина болела, словно с неё была содрана вся кожа.

Мать помогла ему снять прилипшую рубашку, горестно всплеснула руками:

— Что они с тобой сделали, ироды!

На теле сына перекрещивались кровоточащие багровые полосы — следы уланских палашей.

— Двенадцать раз тебя благословили, — сосчитал отец. — Надолго запомнишь царскую милость.

— Век не забуду.

Тело разламывало, хотелось лечь. Но когда сгустились сумерки, Фёдор поднялся:

— Я пойду.

— Феденька, останься. — Мать дрожащими руками обняла его, просительно заглянула в глаза: — Не ходи, лютуют солдаты...

— Не мешай ему, мать, — сказал отец.

Шёл к концу день 9 января 1905 года. Первый день первой русской революции.

НА ПЛЕ-ЧО!

Лыжная погода!
Лыжников порода
властвует над городом в этот
ранний час!

Мы в метро, в трамвае —
транспорт забиваем —
жаль ещё в автобусы
не пускают нас!

Если дождь не каплет,
солнце не печёт,
значит, лыжи

на
пле-
чо!

От домов подальше
лыжи нас потащат,
а пока мы сами их тащим
на весу!

Пусть дома пустуют —
все жильцы бастуют,
все жильцы сегодня прописаны
в лесу!

Если дождь не каплет,
солнце не печёт,
значит, лыжи

на
пле-
чо!

Мчимся сонным бором
к горам и озёрам...
Как сплит и радует бархатный
покров!

Наше воскресенье —
снежное веселье —
прочная закалка и отдых
от трудов!

Если дождь не каплет,
солнце не печёт,
значит, лыжи

на
пле-
чо!

В. КОНОНЕНКО.

Л е г е н д а

«Человек с железным оленем!..
Идёт человек с железным оленем!

Сжатый тучами месяц бьётся, как горноста́й в капкане. Темно на земле и на небе. По соболиной тайге, по медвежьим следам идёт юноша. Падают деревья, преграждая ему путь, глухая тайга шаманит лохматыми елями, не хочет пускать юношу к тайным тропам.

Идёт юноша и ведёт за собой железного оленя. Не простой это олень — сверкают у него серебряные рога. Звонкие серебряные рога. Не бежит олень, а по воздуху летит.

Всё реже и реже показывается солнце. Подул холодный ветер. Тундра оделась в ледяную рубашку. Берега рек снежной малицей укрылись. Дымится, течёт позёмка. Море застыло и стало подобно рыбьему глазу. Даже звёзды в небе оледенели. Лишь из медного ковша луны скупо льётся холодный огонь.

Человек с железным оленем идёт в полярную ночь. Остроко-

ЧЕЛОВЕК с ЖЕЛЕЗНЫМ ОЛЕНЕМ

нечные глыбы льда встают на его пути. Ветер остервенело рвёт одежду. Мороз леденит дыхание.

Спряталось всё живое. Только одинокий песец удивлённо приноживается к незнакомым следам.

Тонкие быстрые ноги железного оленя высекают искры из льда. Во лбу у оленя горит красный огонь. Красный огонь освещает человеку путь. Силён и храбр че-

ловек с железным оленем! Злая пурга утихает и покорно ложится у его ног. Смыкаются трещины во льдах. Разгорается в небе разноцветными огнями северное сияние.

— Иди к нам, человек с железным оленем! Уже поставлены чумы и закипает чай на кострах!»

Так поют звенки и нивхи, так рассказывают ненцы и чукчи, так говорит народная молва.

Красивая легенда, не правда ли?

Но люди, которые поведали мне эту легенду, утверждали, что это не сказка, а быль! Да, да! Самая настоящая быль!

Человек с железным оленем существовал, прошёл по всему Крайнему Северу и оставил после себя не только сказочный след... Чукчи говорят, что у них на мысе Дежнёва, недалеко от селения Уэлен, возвышается огромный пирамидальный камень. Отовсюду видно его: с севера, с Чукотского моря, и с востока, из пролива Беринга.

На этом камне и оставил свой знак человек с железным оленем.

Можете себе представить, как мне захотелось увидеть этот зага-

дочный камень, найти человека из северной сказки, разгадать эту тайну?

По заметённым снегами следам

Недавно мне посчастливилось побывать за Полярным кругом. И где бы я ни была там, везде спрашивала о человеке с железным оленем.

Опытные полярные моряки смеялись и подтрунивали надо мной: дескать, таких рассказов и у нас много, да не всякому верь. Рыбаки полярных морей тоже подняли меня на смех:

— Человек с велосипедом? Да он в наших местах и дня не выдержит!..

Полярные лётчики недоуменно пожимали плечами. Но однажды в штурманской, где собираются пилоты перед вылетом, разгорелся спор: был или не был человек с железным оленем? Вдруг один лётчик и говорит:

— Нечего тут спорить. Я, когда на Чукотке работал, сам этот камень видел. На камне снаряд прикреплён с флажком из оцинкованного железа, с надписью «СССР». Там ещё и фамилия этого путешественника была, только я уж её не помню.

Тут я снова воспрянула духом и стала ещё настойчивее вести поиски. Только теперь я стала спрашивать местное население — ненцев, особенно стариков. И, представьте, — мне повезло!

Это случилось в Варандее. В красном чуме седой нанаяец-библиотекарь очень разволновался, услышав мой вопрос:

— Как же, человек с материка на велосипеде!

Конечно помню! Напугал он нас тогда!.. Да и как было не испугаться: откуда ни возьмись, человек! Без шапки, длинные волосы смерзлись, одежда оледенела. Да ещё на диковинном коне, о котором и не слыхал у нас никто. «Келе! — закричали женщины. — Дух Келе!» Все разбежались. А он ко мне пошёл. Я тогда председателем островного Совета был на Вайгаче. Печать у меня, вырезанная из моржовой кости, была. Он меня и попросил: «Поставь мне печать в книгу. Я, где бываю, везде отмечаюсь». Много у него в этой книге печатей было. Ну и я свою поставил. И подписался: Георгий Лаптандер.

— А фамилию вы его помните? Как звали путешественника?

— Помню. Не часто такие люди заходят к нам, чтобы имя забыть. Травин его зовут. Глеб Леонтьевич Травин. Тридцать лет прошло, а стоит передо мной, как живой. «Дальше, — говорил, — пойду по льду моря, до самой Камчатки».

Вот так я и узнала имя человека с железным оленем. И стала искать его самого. Переворошила пыльные груды книг и журналов, опросила десятки людей, а Глеб Леонтьевич оказался совсем рядом — в Ленинграде. И узнала я об этом... в обыкновенном справочном киоске.

До Африки ещё далеко

...Мальчишка сидел на самом солнцепёке. По его худенькому скуластому лицу струился обильный пот. Казалось, что камень, на котором сидел мальчишка, и тот раскалился докрасна. Но мальчишка упорно не двигался с места. Рядом была тень и журчала вода. Мальчишке до смерти хотелось пить, но он только глазами косил в сторону речки да облизывал сухие, потрескавшиеся губы.

Высокий человек с охотничьим ружьём долго наблюдал за ним. Потом подошёл:

— Эй ты, кого тут ждёшь? — Он дёрнул мальчишку за рукав. — Иди в тень.

Ответа не последовало.

— Слезай, говорю! Солнечный удар схватишь.

— Не троньте! — откликнулся наконец мальчишка. — Идите своей дорогой. Закаляюсь я.

— Что-о?!

— Закаляюсь. К солнцу себя приучаю. В пустыне не так ещё жарко будет.

— В какой пустыне?

— В Африке, в какой же ещё.

— Так ты, значит, в Африку собрался? А что у тебя в мешке, если не секрет?

— Хлеб, сухари... Даже сахар есть. Не верите? — Мальчишка потянулся к мешку, дёрнул за верёвочку и достал завернутый в тряпицу провиант.

— Да, солидно снаряжился, — улыбнулся охотник. — А это что такое?

— Это — ракушки. В Африке ракушки и улитки вместо денег ходят. Я в книжке читал. Только не знаю, сгодятся ли наши?

— А зовут-то тебя как?

— Травинны мы. А вы кто?

— А я Петров, Иван Петрович. Может, пойдём всё-таки посидим в лесочке? Огонёк запалим, перекусим... Ты, кстати, костёр с одной спички развести сумеешь?

— Не пробовал. Костёр мне ни к чему. В Африке в песке и так всё спечётся. А ещё озеро там одно есть — уха в нём варится. Рядом с этим озером — вулкан. Он как начнёт извергаться, лава течёт в озеро, вода и закипает. Местные жители варёную рыбу достают и едят.

— Любопытно. — Иван Петрович посмотрел на горизонт. — А всё-таки нам с тобой поторапливаться надо, друг любезный, скоро дождь будет.

— До-ождь? — недоверчиво за улыбался мальчишка. — При таком-то солнце? Откуда ему взяться?

— А вот пойдём со мной — объясню.

Любопытство победило: Глеб Травин пошёл за Иваном Петровичем.

— Ишь, лягушки как расквакались! — приостановился Иван Петрович. — К плохой погоде. И муравьи, смотри, домой торопятся. А соль у тебя есть, путешественник?

— Вот. — Глеб достал из кармана спичечный коробок с солью. Иван Петрович раскрыл его.

— Смотри, я не ошибся: соль-то влажная стала — быть дождю. Надо нам пристанище искать. Кстати, ты не знаешь, который час? Не знаешь? — Иван Петрович остановился, огляделся и твёрдо сказал: — Сейчас два часа дня.

Некоторое время шли молча. Наконец Глеб не выдержал:

— Иван Петрович, а как вы про время узнали? Часов-то ведь и у вас нет...

— Очень просто. Одуванчики закрылись. Они ровно в два часа, как по команде, закрываются

— Здорово! А откуда вы всё знаете?

— Да как тебе сказать?... Тоже вроде в путешествие собираюсь. Дома у меня и карты есть. Хочешь покажу?

...Назавтра Глеб, захлебываясь, рассказывал мальчишкам об удивительных странах. Только не южных, а северных.

— У нас в Российской империи неисследованных мест больше, чем в Африке. Иван Петрович говорил, что в одну Архангельскую губернию вся Западная Европа войдёт. А ещё у него есть перламутровая раковина и настоящий зуб кашалота! Во!

Все вечера проводил теперь Глеб у Ивана Петровича. Листая толстые книги, водил пальцем по картам и слушал, слушал...

— Сам я большую в жизни мечту имею, — говорил Иван Петрович. — Пройти бы всю Россию-матушку пешком из конца в конец. От Петрограда до Сахалина! Только недосуг пока, работы много...

Какая это была работа, Глеб давно уже начал догадываться. Иногда вечерами приходили к Ивану Петровичу товарищи, рабо-

чие, студенты. Глеба тогда посылали посторожить во дворе. Он знал, что в комнате будут читать запрещённые книги, говорить о революции, о свободе, равенстве, братстве.

Беда пришла неожиданно-негаданно. На рассвете в каморку, где спал Глеб, ворвался его друг Митька:

— Бежим! Ивана Петровича в тюрьму повели!

Долго мальчишки толкались возле тюрьмы, но так ничего и не узнали.

А неделю спустя к Глебу зашёл один рабочий, часто бывавший у Ивана Петровича, передал Глебу маленький листок из тетради.

«Дорогой Глебушка! — писал Иван Петрович. — Не грусти обо мне. Расти большой, читай, учись! Придёт время, и, я уверен, ты сможешь отправиться в настоящее путешествие. Вспомни тогда обо мне и поклонись от меня синему морю, снежным горам и сыпучим пескам».

Глеб дочитал и молча взглянул на рабочего. Тот протянул к нему руку и разжал кулак. На ладони лежал зуб кашалота.

Здравствуй, моя мечта!

Двенадцать лет спустя Глеб сдержал своё молчаливо данное учителю слово: он прибыл в Африку.

Только не пальмы, а огромные льдины, словно куски колотого сахара, сверкали у обрывистых берегов. Земля была покрыта снегом. С моря стремительно бежали волны, и ветер срывал с их гребней ледяные брызги. На берегу стояли люди с обветренными лицами, одетые в ватные брюки и куртки.

Что же это? Неужели опять он всё перепутал? Заблудился, как тогда, в окрестностях Пскова?

Нет, всё правильно. Просто есть на свете ещё полуостров Камчатка. На полуострове есть один мыс. Называется он — Африка.

Не ошибся Глеб. Он ведь уже не десятилетний парнишка, сын псковского сторожа, а демобилизованный командир Красной Армии. И приехал он сюда строить новый город, новую электростанцию.

Три года Глеб рыл котлованы и возводил стены домов. А едва давалась свободная минутка — тренировался, тренировался, тренировался. Нет, не расстался он со своей детской мечтой о большом путешествии. Он и Камчатку-то выбрал ещё и потому, чтобы лучше познакомиться с севером, закалиться перед дальней дорогой.

Г. Л. Травин. 1928 г.

23 октября 1928 года в толстой книжке, на тиснёном переплёте которой стояла надпись «Регистратор туриста», появилась первая запись и печать Приморского обкома комсомола.

Путешествие началось. Глеб выехал по шоссе на Хабаровск. Одет он был очень легко: трусы и куртка. На шее талисман: цепочка с зубом кашалота. Необходимые тёплые вещи и инструменты — на велосипедном багажнике. Там же — неприкосновенный запас еды. Вот и всё.

Да ещё книжка «Регистратор туриста». С каждым днём, с каждым километром всё больше и больше появлялось в ней записей и печатей: Хабаровск, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул, Джамбул, Бухара, Ашхабад, Красноводск, Баку, Тбилиси, Ростов, Москва... Позади остались просторы тайги, жгучие пески Средней Азии, кубанские степи, зелёное Подмосковье, Ленинград... Дальше путь лежал об-

ратно к Камчатке — через тундру, по льду северных морей.

Мелькали, сливаясь, спицы колёс. Дорога бросала под машину новые сотни километров.

Человек с железным оленем!.. Нет, Глеб Травин не был сказочным богатырём. И волшебства тоже никакого не было. Был тяжёлый ежедневный труд, была борьба с природой: один на один, не на жизнь, а на смерть.

Глеб ехал то по тундре, то по льду Карского моря. По тундре ехать было труднее: мокрый мох хлюпал под колесами, каждый метр давался с большими усилиями. Когда шёл пешком — следом тянулась полоса от раздавленной голубики. Кто сказал, что тундра — это серая, бедная красками земля? Чепуха это.

Тонко пахла полярная сирень. Светло-зелёными трубочками топорщился ягель. Среди камней трепетали под ветром ярко-жёлтые лепестки полярного мака, голубели незабудки. Клумбочками росли лиловые камнеломки, желтели лютики.

По-прежнему Глеб питался только тем, что давала природа. Иногда охотился на моржей, а чаще собирал птичьи яйца на отвесных скалах. Шёл ли он, ехал ли на велосипеде, он должен был двигаться по восемь часов в день, в любую погоду, невзирая на то, был ли он сыт или голоден. Каждое утро делал зарядку и натирался до пояса снегом.

Даже в Заполярье он не надел шапки. Тонкий ремешок стягивал густые волосы — вот и весь «головной убор»!

Спального мешка у Глеба тоже не было. На время отдыха он ставил палатку-восьмиклинку, сшитую из двойной бязи. Основанием для нее служил велосипед. Глеб зарывал его колёсами в снег, на седле укреплял насос — получалась мачта, вокруг которой и растягивалась палатка. А дальше всё просто: обе ноги в один торбаз, другой торбаз — под бок, куртку — под голову и спи,

И ни разу Глеб не простудился. Даже насморка у него не было.

С каждым днём путь становился всё труднее. Кончился длинный полярный день, наступала ещё более длинная полярная ночь. Прошло ещё немного времени, и солнце неторопливо ушло за горизонт. Потускнела тундра, потемнели скалы. У берегов выросли ледяные торосы.

Озерки и лужи пресной воды затонули тонкой ледяной плёнкой, свежий снег покрыл их плотным ковром. Глеб с хрустом и плеском проваливался в эти снежицы и поначалу очень пугался, думая, что летит в океанскую бездну.

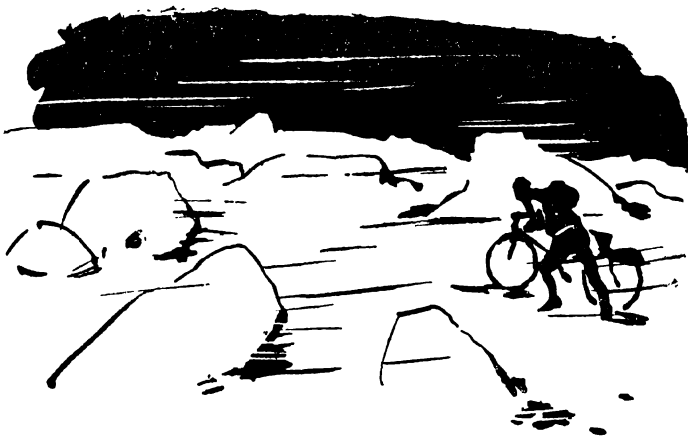
Иногда Глеб врезался в ропаки. Ропаки на ледяных полях — то же, что пни в лесу, только пни эти ледяные и гигантских размеров.

Но особенно опасны были трещины. Как-то раз пурга занесла трещину пушистым снегом. Неожиданно снег под ногами спортсмена разом ушёл вниз. Инстинктивно раскинув руки, Глеб остался висеть над трещиной. Отвесными синими стенами ниспадала она в чёрную мрачную воду. Еле-еле выкарабкался путешественник на лёд. Велосипед лежал рядом.

Уже много дней не встречал Глеб ни одного человека. Только ветер в ночи пел свои песни, выл, стонал, скрежетал. Невесёлая это была музыка.

Пересекая во время своего путешествия пустыню Кара-Кум, Глеб слышал, как поют пески. Совсем другой была их мелодия.

Однажды утром, едва проснувшись, Глеб уловил в раскалённом воздухе какой-то слабый приятный звук. То повышаясь, то по-

нижаясь, он походил на отдалённые переливы флейты. Потом вдруг стал громче и сильнее, загудел, как орган.

Глеб выполз из палатки и огляделся вокруг. Пустыня была по-прежнему безлюдна. Звуки возникли снова. Они летели как будто сверху и уходили в землю. Казалось, их производили неведомые духи пустыни. Звуки всё нарастали. То весёлые, то жалобные, то резкие и крикливые, то нежные и грустные — они казались голосами живых существ, хотя Глеб твёрдо знал, что поют это, стекая с барханов, наэлектризованные солнцем, песчинки. Глеб лежал тогда, затаив дыхание, как зачарованный, боясь пошевелиться.

А сейчас северный ветер пел другие песни, валил с ног, забивал снегом лицо.

Пришлось остановиться.

Ножом Глеб нарезал из снега кубиков. Сложил из них стены, «оштукатурил» мокрым снегом. Снег быстро затвердевал, скрепляя всю постройку. Издали домик казался вытесанным из льда. Пробравшись в него ползком, Глеб завалил вход снегом, чтобы не поддувало. В мешке ещё оставалась оленина: можно спокойно переждать пургу.

Однако непогода затянулась. Только через неделю пурга утихла, и Глеб покинул свою темницу. Под тусклым светом луны обиль-

но падал снег. Белые снежинки бабочками кружились над землёй, падали на лицо, норовили попасть за воротник. «Словно саранча, — припомнилось Глебу. — Нет, тогда было страшнее».

Это было на юге. Глеб спокойно крутил педали, когда вдруг в его щёку ткнулся какой-то жучок. Глеб поймал его. Кузнечик? Второй, третий, четвёртый!.. Долговязые, пучеглазые насекомые издавали скрипучие звуки. Да ведь это саранча!

Потускнело солнце. Саранча летела тучей высотой в пятиэтажный дом. От тесноты у некоторых насекомых ломались крылья.

Саранча хлестала по лицу, ударялась о руки и ноги, застревала в волосах. Глеб еле продвигался вперёд. Духота сковывала дыхание. Ноги соскальзывали с мокрых педалей. Колёса с трудом проворачивались. Саранча гроздьями висела на раме, на спицах, на седле.

Лицо и руки Глеба покрылись отвратительной масляной жижей. Колёса забуксовали. Глеб спешил-

ся, и, как слепой, вытянув вперёд руку, пошёл наугад. Бить, давить саранчу — какой толк? Насекомых сотни тысяч! Остаётся шагать вслепую по скользкой жиже.

Но туча наконец начала редеть и вскоре осталась позади. Глеб очистил велосипед, вытер лицо, руки и помчался вперёд.

Вскоре путь преградил глубокий арык. По краям канавы торчали жестяные щиты, а на дне был насыпан какой-то белый порошок. За первым арыком попался второй, третий, четвёртый.

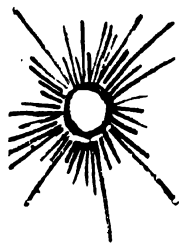
Когда Глеб перебрался через последнюю канаву, он заметил грузовик. К путешественнику подошли люди. Высокий черноволосый узбек стремительно нагнулся к велосипедному колесу. Там ещё висели остатки раздавленных насекомых.

— Где она? Я — начальник отряда. Едем с нами.

Весь лагерь поднялся, как по тревоге. В машины погрузили бочки и железные щиты.

Рыли канавы, потом ограждали их железными щитами. Под палящим солнцем люди работали без передышки. Нельзя пустить саранчу к хлопковым полям и виноградникам!

А лавина саранчи уже двинулась через канавы. Насекомые ударялись о щиты, падали на дно, люди молниеносно осыпали их химикатами и зарывали. Вместе со всеми работал и Глеб.

Встреча с ископаемым

На дорогах Средней Азии была у Глеба Травина и ещё одна удивительная встреча.

Глеб пересекал пустыню вместе с караваном верблюдов. Корабли пустыни шагали медленно, степенно, иногда склоняли головы, хватая янтак — маленькое ярко-зелёное растение, покрытое бронёй прямых и острых, как иглы, колючек. На ветвях иногда попадавшегося кустарника отсиживались змеи. Удивительно? А что поделаешь, если жара стоит 70—79 градусов и песок раскалён до предела.

Заехав за барханы, Глеб увидел вдруг... крокодила! Животное сидело под кустом, раздув шею и разинув пасть. Это двухметровое чудовище шипело и било острым, зазубренным, как пила, хвостом.

Глеб не успел загородиться велосипедом, и чудовище бросилось на него. Зубы, похожие на прозрачные иглы, впились в руку. Ударом хвоста животное раскололо Глебу бедро.

От каравана с криками бежали туркмены:

— Зем-зем! Варан!

Да, это был царь ящеров, крупный и злой хищник.

К сожалению, у Глеба не оказалось с собой йода. Но в пустыне без него вполне можно обойтись — микробов там нет. Туркмены посыпали Глебу раны песком, и всё.

— Ну вот, — шутил Глеб, — и с потомком древних ящеров познакомились. Какое же ископаемое следующее?

Но до встречи с настоящим ископаемым было ещё далеко.

Время увидеть его пришло только теперь, когда Глеб шёл уже берегом моря Лаптевых. Точнее, не шёл, а еле передвигал ноги, волоча за собой велосипед.

Уже несколько дней он был без пищи. Галеты из неприкосновенного запаса кончились, силы совсем оставляли спортсмена. Эх, как пригодилась бы сейчас Глебу та чудодейственная ве-

точка, которая попадалась ему в начале путешествия в Приморской тайге.

Тогда Глеб, тоже усталый до предела, сломал по пути какую-то ветку и стал жевать горьковатокислые плоды и листья. Через несколько минут он с удивлением почувствовал необычайную лёгкость и свежесть во всём теле. Тайга тогда подарила ему настоящее чудо — легендарный лимонник, который, как в сказке, даёт силу и свежесть путнику.

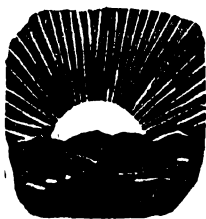
Но на берегах моря Лаптевых лимонника не было. Глеб полз по снегу, таща за рога своего железного оленя. Так добрался он до устья Лены.

В чёрной полярной ночи не было видно ничего живого. Даже песцы куда-то попрятались, не попадались в капканы. Из последних сил Глеб выполз на берег моря в надежде подстрелить нерпу. И вдруг он заметил, что там, где вода размыла берег, виднеется бурая, волосатая туша. Глеб подполз ближе.

Точно в склепе, в вечной мерзлоте лежал мамонт! Туша мамонта была совершенно не тронута, даже шерсть сохранилась. Глеб достал нож, вырубил кусок мяса. Потом собрал сушняк, обглоданные водой сучья деревьев и разложил костёр.

Поджаренное мясо мамонта, десятки тысяч лет пролежавшее во льду, по вкусу напоминало мясо молодого оленя. Глеб был спасён! Несколько дней провёл он рядом с мамонтом на маленьком островке, носившем название — Куба.

На этой Кубе не росли бананы и сахарный тростник. Зато, как он узнал позднее, там было целое кладбище мамонтов и богатейшие залежи мамонтовой кости.

Здравствуй, солнце!

С января день пошёл на увеличение. Но пока в сером дневном свете по-прежнему виднелся лишь тусклый диск луны.

13 января Глеб стал очевидцем окончания полярной ночи. В этот день зарево на востоке было значительно больше, чем обычно. Чистое от туч небо приобретало голубоватый оттенок. Чёрная стена на севере посветлела. Вверх ударили прямыми струями чуть дрожащие лучи. Они трепетали и всё выше и выше взбирались по небосводу.

Из-за горизонта, точно огромный язык страшного чудовища, на несколько

секунд выглянул краешек солнечного диска и озарил ледяные поля нестерпимо ярким светом.

— Ура! — закричал Глеб и побежал навстречу взшедшему светилу. Падал и

плакал, как мальчишка. Потом вернулся, схватил ружьё, и тишину восходящего утра расколол са-

лют в честь доброго, верного светила.

S O S

День быстро увеличивался. В воздухе, несмотря на тридцатиградусный мороз, повеяло весной.

Иногда Глеб спал, зарывшись в

снег, как это делают птицы. Вставал бодрым и свежим. Но однажды, проснувшись, он хотел встать и не смог.

Наступающая весна сыграла со спортсменом злую шутку.

Ночью льдина, на которой спал Глеб, дала трещину. Снег стал сырým, водянистым. А к утру ударил мороз. Сразу всё замёрзло.

Проснувшись, Глеб обнаружил, что его руки, сложенные на груди, накрепко смёрзлись. Да и сам он весь, словно в склепе. С большим трудом добрался до ножа, начал скалывать лёд. Когда рванулся — на спине оказался ледяной панцирь. С ногами получилось ещё хуже: отморозил.

Первые шаги были настоящей пыткой. От боли мутилось сознание. Но надо идти — иначе замёрзнешь. Надо. идти, ползти! Шаг! Ещё шаг! Глеб падает лицом в снег.

Очнулся он от чьего-то таяканья и урчанья. Поднял голову. Песец! Голодный зверь давно уже крался за ослабевшим человеком. Теперь человек умирал, он был безопасен. Песец кинулся вперёд и... напоролся на нож.

Порыв ветра донёс откуда-то запах свежего хлеба. «Начались галлюцинации», — подумал Глеб. Как давно он не ел хлеба! Уже несколько дней он питался рыбёшкой, которую добывал из льда.

Есть такая рыбёшка на севере, которая, вмерзая в лёд, дожидается лета и так переносит суровый полярный климат. Но сейчас у Глеба уже не было сил колоть лёд. А тут ещё запах хлеба! Глеб поднялся и снова пополз вперёд...

Начальник, радист и врач зимовки пили чай, когда дверь избушки внезапно открылась и в комнату ввалились ненцы. На руках они несли полузамёрзшего человека.

— Это безумство, а не спорт! — возмущался врач, приводя Глеба в чувство и бинтуя кровоточащие пальцы.

Через две недели Травин снова стал собираться в путь.

— Куда вы пойдёте с такими ногами? Вы же убьёте себя! — изумился врач.

— Но вы ведь сами считали, что я избежал гангрены только потому, что находился в постоянном движении, — отшучивался Глеб. — Вот и пойду дальше. Получится что-то похожее на лечебный курс.

К о н е ц п у т и

Ветер гребнем расчесал снежную гриву тундры, сделал её твёрдой, подобно асфальтовой мосто-

вой. Хорошо бежит железный олень! Навёрстывает упущенные дни.

11 июля 1931 года Глеб достиг мыса Дежнёва на Чукотке. Путешествие подходило к концу.

В яранге горит светильник из нерпичьего жира. Хозяйка кладёт на пол большую доску — это стол.

На китобойном пароходе Глеб добрался до Камчатки.

ЧЕЛОВЕК с железным оленем!
Человек из легенды!

Легендам не всегда верят. Если у вас закралось сомнение в правдивости этого спортивного подвига — сходите в Музей Арктики, и там вам покажут одного из героев легенды — самого железного оленя!

Он стоит в углу большой комнаты, старенький потрёпанный велосипед с облупившейся краской. Увидев его, вы, веро-

ятно удивитесь: 85 тысяч километров на таком драндулете? Через пески Кара-Кумов и сквозь арктические льды? Непостижимо!

И сам Глеб Леонтьевич сейчас жив и здоров. Тридцать лет прожил он на Камчатке. Потом некоторое время жил в Ленинграде, а сейчас вернулся в родной Псков.

Когда я начинала писать этот очерк, у меня было к Глебу Леонтьевичу очень много вопросов. Когда я поставила последнюю точку, вопросов у меня оказалось ещё больше. И первым был:

— Сколько же печатей накопилось в вашем «Регистраторе туриста» за время путешествия?

— Более пятисот, — улыбнулся Глеб Леонтьевич.

— Выезжая в путешествие, вы везли с собой небольшой неприкосновенный запас...

— Да, и половину его я привёз обратно в Петропавловск-на-Камчатке. В основном питался дичью, там, где она была, рыбой, в общем — всем без разбора. Почему так? Никто меня, конечно, к этому не обязывал, но я решил себя испытать. По заданию этого сделать нельзя. Попробуйте-ка вы съесть что-нибудь неприятное — не будете, и я не буду сейчас. А в то время я это сделал, ел всевозможную живность, всё, что попадалось на пути,

Сегодня в яранге праздник в честь прибытия человека с железным оленем! Звучит бубен. Прославленные чукотские танцоры показывают своё искусство.

А потом молодёжь отправляется на высокий берег. Приносят чугунную станину, в которой закрепляют снарядную гильзу с флагом. В гильзу Глеб кладёт записку с сообщением о своём переходе и поломанную велосипедную деталь. Потом берёт зубило и выбивает на снаряде надпись: «Турист-велосипедист Глеб Травин. 1928 — 1931 год».

Итак, трёхлетний поход завершён!

Питался я два раза в сутки, а не четыре, как обычно.

Ну, это потому, что на поиски пищи уходит очень много времени. Выдерживал и строгий питьевой режим: два стакана воды утром и вечером. Днём я абсолютно не пил. Переплываю какую-нибудь речку — купаюсь, полощу рот, но ни капли не глотаю. Это мне и помогло в пустынях, где нет ни капли воды.

— Кстати, чем же вы всё-таки питались в Кара-Кумах?

— Да... В истории спорта никто ещё не пересекал на велосипеде Кара-Кумов до меня. А мне захотелось обязательно и Кара-Кумы прихватить, проверить, как я там буду себя чувствовать — ведь ни воды, ни пищи нет. Вот тут меня и выручила всякая живая снедь, которая в песках живёт. Деликатесом были черепахи. А там, где не было совсем уж ничего, приходилось откапывать корни саксаула. Невкусны они, несъедобны, но я их грыз.

— Ну и последний вопрос. Много есть на свете ребят, которые мечтают о путешествиях. Что бы вы им посоветовали в порядке подготовки?

— Много учиться и много тренироваться. Главное — надо знать природу. Никогда нельзя угадать, с чем ты встретишься в пути, какие задачи задаст тебе тайга или тундра, зима или лето. Но если есть у тебя знание географии, биологии, физики, химии — тогда не

Г. Л. Травин. 1964 год.

пропадёшь. Одно припомнишь, с другим сопоставишь — глядишь, и нашёл выход. А физическая подготовка — это не только на время путешествия — на всю жизнь. Вот мне сейчас шестьдесят два года, а я здоров. Сердце работает прекрасно, как хороший мотор.

И ещё я хотел бы пожелать ребятам, чтобы каждый готовился к путешествию. Большое или маленькое, трудное или лёгкое, но оно непременно будет у каждого. А знания и силы всегда пригодятся.

Рис. В. Орлова

Любопытному на днях
Прищепили нос в дверях.
Так уж вышло...
Любопытный
Сразу стал ужасно скрытный:
Обхватил руками нос
И к врачу его понёс.

Только вышел за порог —
Встретилась соседка:
— Ишь ты, словно носорог!
Что с тобою, детка? —
Только вышел со двора —
Встретился приятель:
— Чудеса! Ещё вчера
Был твой нос приятен.
А сегодня? Что с тобой?
Ты как ты, а нос трубой! —

Он за угол. За углом
Повстречался управдом:
— Что с тобою, паренёк?
Нос ни вдоль, ни поперёк! —
Он — в трамвай. А там ребята

Говорят:
— Потрогать дашь? —
Задержал вагон вожатый:
— У тебя, кажись, багаж?
— Ну какое ваше дело? —
Говорит он всем несмело:
— Что за радость вам была
Нос совать в мои дела? —
Просит, плачет, умоляет —
Ничего не помогает.

Даже маленькая Света
Тоже требует ответа:
— Это что у вас, вот это,
Фиолетового цвета?.. —
Любопытный сам не свой
Побежал к себе домой.
Прибежал — глазам не верит:
В доме все открыты двери.
Двери настежь! Просто смех,
Можно всё узнать про всех:
Кто? Когда? Куда? Откуда?
В чём? О чём? И почему?
Двери настежь! Просто чудо!
Редко так везёт кому!..
Любопытный, где ты? Ну-ка,
Двери настежь! Вот так штука!
Только что же с ним такое?
Никого не беспокоя,
Мчится мимо всех дверей
Он домой к себе скорей.
Может, боль в носу припомнил —
Оттого такая прыть?
Или, может, что-то понял?..
Что-то понял? Может быть.

Рис. Ю. Шабанова

Научно-фантастическая повесть

1.

ПОКУПКА

Толстый румяный старик вошёл в ювелирный магазин «Самоцветы». Равнодушно миновав прилавок с золотыми часами, обручальными кольцами и браслетами, он остановился у витрины «Изделия из янтаря» и, близоруко шурясь, почти касаясь носом стекла, стал долго и внимательно рассматривать блестящие безделушки.

— Здравствуйте, Никодим Эрастович! — поклонился ему продавец. — Давно, давно вас не видно.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приподняв широкополую выгоревшую шляпу, отозвался старик. — Я уже кончаю читать курс, перебрался на дачу... Есть что-нибудь интересное?

— Кое-что. Недавно умер один крупный коллекционер янтаря. Свою коллекцию он завещал государству. художе-

ственные ценности пошли в музей, а прочее к нам. Пройдите, пожалуйста, сюда. — Он подвёл старого покупателя к застеклённому шкафу. На узких полочках, подсвеченные электрическими лампочками, лежали фигурки из янтаря. — Вот, — показывал продавец, — брошь с паучком, шарик с козявочкой...

— Это не козявочка, а комар. — Старик неразборчиво назвал комара по-латыни. — А вот паучка дайте посмотреть.

— Пожалуйста, смотрите, выбирайте...

Учёный несколько минут рассматривал заключённого в янтарь паучка. Поворачивал его и так, и этак.

— Нет, — наконец сказал он, — этот паучок, дорогой мой, занесен во все каталоги. Может, ещё что есть?

— Жаль, но... — продавец развёл руками, — с козявками... виноват, с комариками больше нет ничего.

Старик обвёл глазами полку. Вдруг его белые кустистые брови поползли вверх!

— А что это за яйцо?

— Яйцо? — продавец вытянул шею. — Ах, это! Пожалуй-ста!

Предмет, заинтересовавший

старика, был отшлифован в форме груши.

— Тёмный, ох какой тёмный, — говорил Никодим Эрастович, поднося «грушу» к лампочке. — Прямо-таки крепкий чай по цвету. А что внутри?

Внутри «груши» что-то белело.

— Напоминает рыбную сосиску, — сказал продавец и смутился.

— Сосиску?

— Ну да. Знаете, иногда бывают в продаже такие белые сосиски?

— Нет, не знаю, — с искренним удивлением ответил старик. — Но триста миллионов лет назад никто не делал сосисок: ни мясных, ни рыбных. Что же это такое?

— Вам лучше знать, — скромно ответил продавец, — вы человек учёный.

Никодим Эрастович молчал. Он думал.

— Разрешите выписать чек? — спросил продавец.

— Чек?

— Да, чек. Десять рублей сорок пять копеек.

Учёный уплатил деньги, положил в портфель покупку и, вежливо приподняв шляпу, вышел на улицу.

— Кто это? — спросил продавца заведующий магазином.

— Профессор Тулумбасов.

2.

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ?

Никодим Эрастович сидел в вагоне электрички и, прижимая портфель, сгорал от любопытства и нетерпения

«Что же это может быть? — снова и снова задавал он себе вопрос. — Початок растения каменноугольной эпохи? А что, если это просто пустота в янтаре, пузырьёк воздуха? Но тогда интересно «изловить» этот пузырьёк и, сделав анализы, узнать состав атмосферы нашей планеты в далёком прошлом. Но можно ли сделать анализ с таким маленьким количеством воздуха?»

Он был так погружён в размышления, что, протянув контролёру сезонный билет, громко сказал:

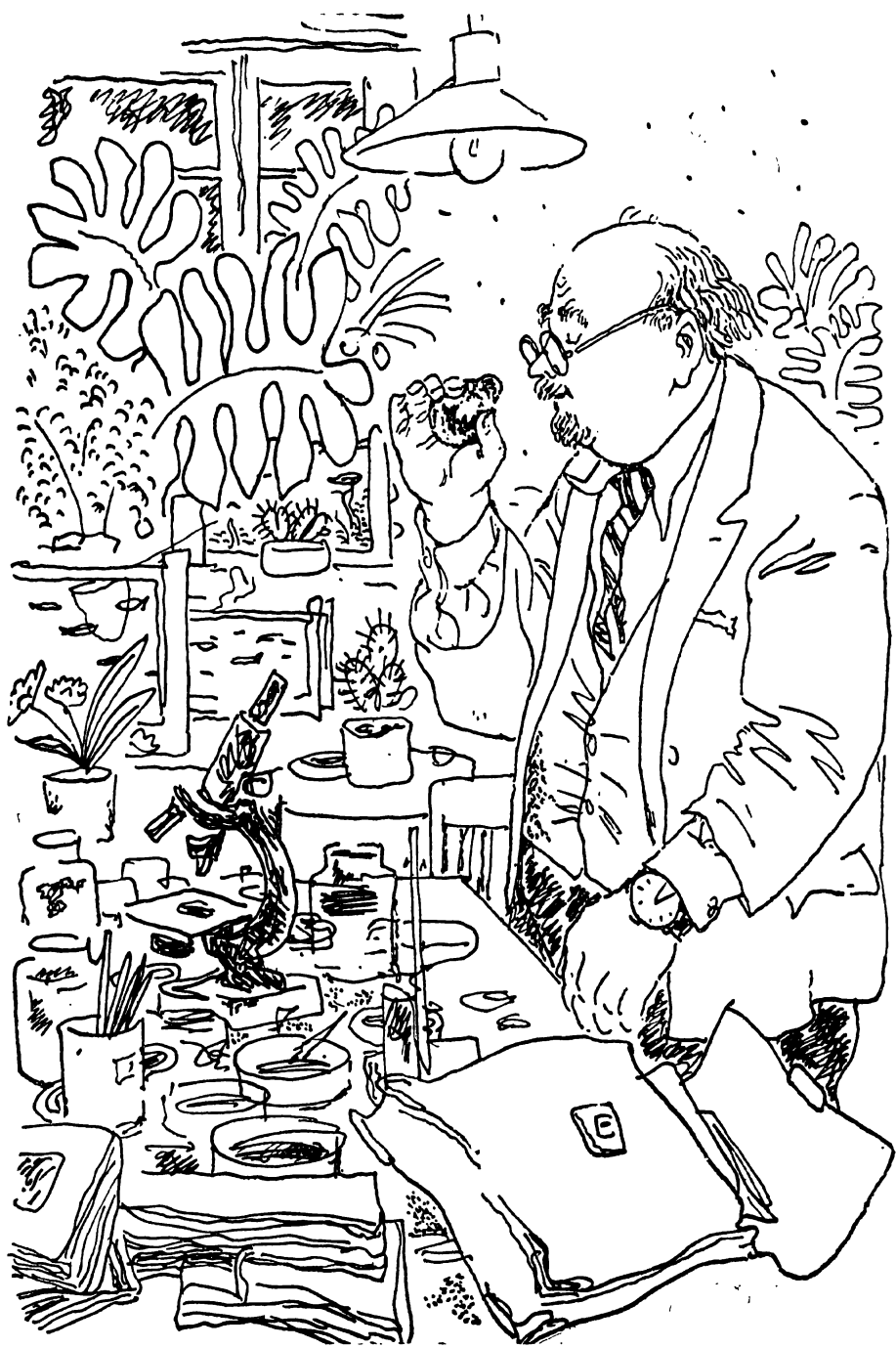
— Это, конечно, яйцо мокрокрылого!..

Контролёр не удивился: мало ли что может присниться старому человеку. Он усмехнулся и прошёл дальше, напомнив:

— Не проспите своей станции, гражданин!

Каждое лето Тулумбасов проводил в посёлке Ольховка. У него была маленькая дачка с участком, заросшим крапивой. Косить траву и делать клумбы профессор не хотел. Ему больше по душе было видеть под окном, как он говорил, «крохотный заповедник». Никодим Эрастович никогда не был женат, и его немудрящее хозяйство вела племянница Мария Семёновна, или проще Мара. Это была очень строгая особа, и старик её побаивался.

«Как бы не влетело за покупку, — подумал он, шагая по песчаной дорожке. — Всё-таки десять рублей с копейками... Пожалуй, ничего не скажу ей об янтаре».

— Дядя Дима! Опять ты задержался! Мои руки и ноги иди обедать! — услышал он, едва ступив на порог.

— Я сейчас, Мара. Только портфель занесу в лаборато-

рию, — поспешил ответить профессор, бочком пробираясь в свою комнату.

Лабораторией Никодим Эрастович называл свой кабинет. Эта маленькая комната

была загромождена террариумами, аквариумами, садками и цветочными горшками. На письменном столе блистал медью микроскоп в окружении станочков для препарирования насекомых.

Профессор вынул из портфеля покупку, сунул её в нижний ящик стола и с самым счастливым видом пошёл ужинать.

— Сегодня сосиски, — объявила Мара.

— Сосиски! — в восторге закричал Никодим Эрастович, вспомнив о «сосиске» в янтаре.

Мара удивилась:

— До сих пор, дядя, ты был к сосискам равнодушен. Что это улучшило твой аппетит?

Пожинав, профессор прошёл в свою комнату, закрыл дверь на крючок и, потирая руки, подошёл к столу...

Обычно насекомых извлекают из янтаря с помощью растворителя, спирта или кислоты. Янтарь легко растворяется, а тело насекомого, состоящее из органического вещества, остается невредимым. Но таинственный предмет мог быть и не насекомым, а чем-то иным...

Осторожный учёный растворил только верхний слой «груши», а потом достал тоненькую пилку и принялся за работу...

Было видно, что «сосиска» почти не примыкает к янтарию, а лежит в полости, заполненной белесой пылью. Прошло полчаса. Никодим Эрастович устал и вспотел.

— Крепкая штука! — заме-

тил профессор, утираясь платком.

— Если это яйцо прямокрылого, то каким образом оно могло попасть в янтарь? — бормотал он. — Хотя... кузнечики кладут яйца в землю очень неглубоко. Смола могла капать из пораненной ветки на землю капля за каплей. Может быть, так и было. Но это редчайший случай!

Он опять принялся за работу. За окном стояла чудесная светлая ночь. Мара вернулась из кино и, увидя в окне свет, крикнула, постучав в дверь:

— Дядя! Завтра с утра лекция! Ты забыл?

— Я сплю, я сплю, — ответил профессор, удваивая темп работы... Трах! Груша раскололась на две части, а непонятный белый предмет упал в ладонь учёного.

«Сосиска» оказалась осыпанной мельчайшей пылью. Никодим Эрастович осторожно положил её на ватный матрасик и вытер ладони.

— Ффу! — перевёл он дыхание и взглянул на часы. — Час ночи!

Никогда профессор не нарушал так грубо свой режим.

— Мара права, надо ложиться, а то завтра наговорю студентам такого!.. — Учёный зевнул. Глаза слипались. В комнате было душно. Тулумбасов открыл настежь окно, выключил свет, разделся и лег на диванчик, оставив на столе обломки янтаря и непонятный, размером с мизинец, белесый предмет.

НАЧИНАЮТСЯ ЧУДЕСА

Никодим Эрастович проспал всего три часа. Нетерпение подняло его с петухами. В саду было совсем светло. Учёный прошлёпал босыми ногами к столу и остановился, подняв брови: предмет, с таким трудом извлечённый из янтаря, лежал уже не на ватном матрасике, а на чёрной доске стола.

«Как это я так неаккуратно положил его, — подумал Никодим Эрастович. — Он, наверно, скатился с матрасика».

Профессор взял пинцет и осторожно зажал им «сосиску»...

Он ожидал, что предмет окажется твердым или упругим, но оказалось, что внутри «сосиски» было пусто. Пинцет сжал белесую тонкую оболочку, и Никодим Эрастович заметил на остром конце оболочки круглое отверстие...

— Было ли оно вчера вечером? — вслух подумал учёный, дрожа от холода. — А что, если... нет, этого не может быть! Просто я вчера переутюжился и был невнимателен. Этот предмет — оболочка яйца гигантского прямокрылого, возможно кузнечика, жившего триста миллионов лет назад. Насекомое карбона!

Никодим Эрастович оделся, закрыл окно и снова сел к столу. На этот раз он взял оболочку яйца пальцами... и, от неожиданности, уронил её на пол.

Оболочка была влажной!

Она казалась совсем свежей! Больше того! На подоконнике учёный обнаружил маленькую лужицу бурой жидкости...

— Личиночная жидкость, — прошептал профессор. — Значит... нет, я схожу с ума. Надо как-то объяснить и этот факт, а то можно спятить от таких чудес... Влажность оболочки можно объяснить... ммм... хотя бы сильной росой. Ведь окно было открыто. А личиночная жидкость... мм... могла капнуть сверху, возможно на наличнике висела куколка бабочки. Бабочка вывелась ночью. Может, она и сейчас сидит там?..

Никодим Эрастович снова распахнул окно и далеко высунулся. Нет, ни внизу на траве, ни вверху на наличнике не было никакого насекомого.

— Ах как глупо получилось! — горевал учёный. — Может быть, я упустил потрясающее открытие! — Он снова и снова разглядывал оболочку яйца неизвестного насекомого...

— Дядя Дима! Пора вставать! — слышался из-за двери голос Мары.

Профессор так расстроился, что отказался от завтрака, чем очень удивил Мару.

— Ты трудный человек, — сказала она. — То приходишь в восторг от обыкновенных сосисок, то отталкиваешь тарелку с твоими любимыми пельменями.

Никодим Эрастович только вздыхал и морщился. Перед уходом он завернул в газету осколки янтаря, оболочку «со-

сиски» и упрятал их в портфель.

Как только Тулумбасов уехал, Мара, вооружась тряпкой и половой щёткой, вошла в кабинет учёного, старательно стёрла со стола пыль, подмела пол и, собрав мусор, вынесла его на помойку.

Нечего и говорить, что лекцию Никодим Эрастович провёл посредственно. Кое-как связав концы с концами, он едва дождался конца занятий. Студенты удивлялись, но, любя своего старого учителя, прощали ему бесконечные «ээ», «так сказать» и прочие слова пустышки, которые раньше у него встречались крайне редко...

— Заболел старик, — сказал один студент.

— А может, семейные неприятности? — предположил второй.

— Наверно, и то и другое, — заключил третий...

Никодим Эрастович Тулумбасов считался хорошим энтомологом. Особенно он преуспел в ортоптерологии, то есть в науке о прямокрылых. К прямокрылым же относятся кузнечики и саранча. Мысль о том, что он упустил возможность изучить живое ископаемое насекомое не давала ему покоя! Рассказать о том, что произошло с ним прошлой ночью он не хотел: боялся, что коллеги поднимут его на смех. Ехать в Ольховку тоже очень не хотелось — это причинило бы новые огорчения... Нет, надо забыть всё, что было. Пусть

эта янтарная груша уйдёт из памяти, как сновидение.

Тулумбасов решил остаться на несколько дней в городе. Он пошёл на почту и послал Маре телеграмму: «Остаюсь связи экзаменами неделю. Дядя Дима».

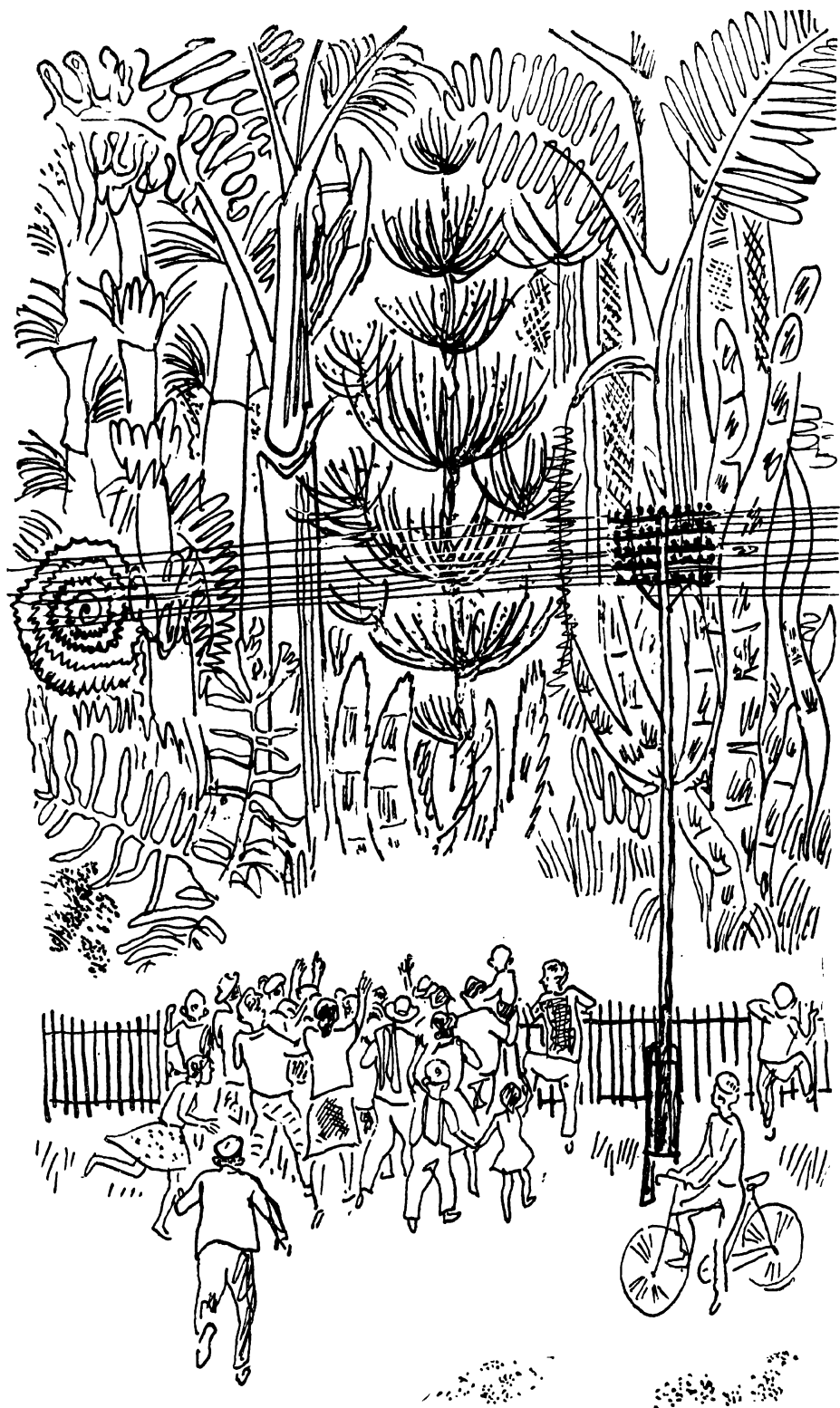
Но он не прожил в городе и пяти дней. Как раз тогда, когда вернулось свойственное ему ровное и весёлое состояние духа, пришла телеграмма от Мары: «Огород погибает. Помойка зарастает. Теряю голову. Мара».

Первая фраза была понятна. Мария Семёновна вскопала две грядки и посадила их салатом, редисом, морковью и укропом. Никодим Эрастович не раз уже «спасал» огород, собирая с рассады различных гусениц и личинок. Но что означает тревога за помойку? И почему она зарастает? Надо было ехать в Ольховку.

С бьющимся сердцем Никодим Эрастович подходил к своему домику. Он отворил скрипящую калитку и прямо направился в огород. Профессор зашёл за угол дома и от удивления уронил портфель.

Помойки не было видно под мощной буровато-зелёной рощей неведомых растений. Одни поднимались тонкими чешуйчатыми столбиками, другие напоминали пушистые хвосты белок, третьи торчали голыми круглыми рогами с шипечками на кончиках ветвей. Профессор замер.

— Это хвощи-каламиты, — шептал он, глядя на столбики, — а там... эти пушистые...

ну, конечно! Это ископаемый папоротник-сигилария. А этот куст с шишками — лепидодендрон! Самый настоящий! Вот он какой!

— Посмотри на огород! Посмотри на огород! — услышал Никодим Эрастович за спиной, но он был так изумлён, что ещё минут пять молчал, весь уйдя в созерцание.

— Огород? — наконец переспросил он хрипло.

— Да, да, огород! — уже сердито повторила Мара.

Профессор со вздохом отвернулся от чудесной рощи и нагнулся над грядками.

— Я бы сказал... — протянул он, рассматривая изгрызенные всходы овощей, — я бы сказал, что это похоже на остатки от пира саранчи...

— Мне от этого не легче! — воскликнула Мара. — Дядя, отведь прямо, это твоих рук дело? Это какой-нибудь твой опыт? Так?

— Ты думаешь!? — вдруг громовым голосом закричал Никодим Эрастович. — Если я

виновен во всём этом, то — чёрт возьми — это замечательно!

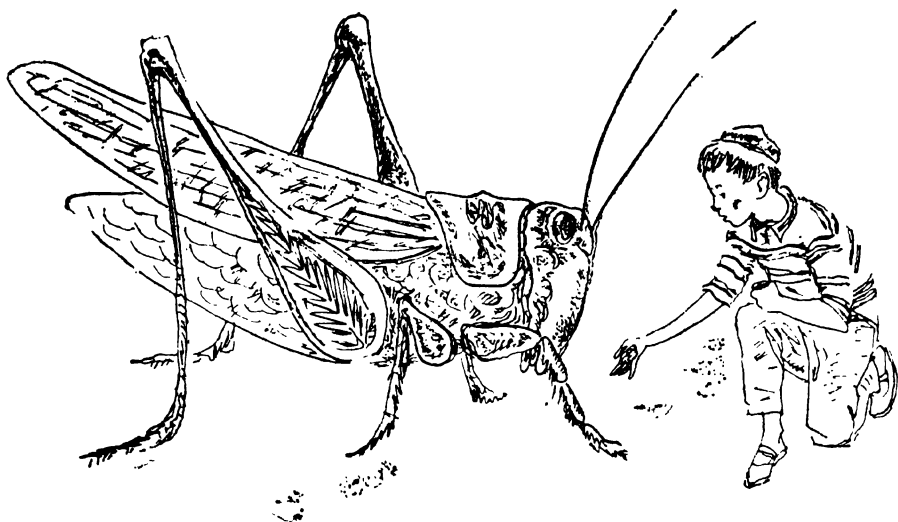
4.

ЧУДЕСА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Ученик шестого класса Гоша Линьков приехал на летние каникулы к бабушке. Домик бабы Вари стоял бок о бок с дачкой Тулумбасова. Но их участки были до того не схожи, что, казалось, низенький синий забор разделяет два разных мира.

Участок Тулумбасова бабушка называла «дикобразным». И в самом деле, более колючий, заросший сорняками садик не сразу найдёшь.

А вот у бабы Вари ярко желтели дорожки, синели анютины глазки, под окнами качались белые трубочки душистого табака, зелёная стенка из кустов спиреи отделяла садик от профессорских чертополохов и крапивы.

Гоша был такой маленький и худенький, что бабушка, глядя на него, давала себе клятву к осени раскормить внука до размеров её дородного соседа Никодима Эрастовича.

Июньским солнечным днём баба Варя послала Гошу в магазин за хлебом. Он уже подходил к дому, помахивая сеткой с душистой теплой буханкой, как вдруг у самой калитки заметил непонятный предмет. Мальчик подошёл ближе и разглядел красного с ярко-жёлтым брюхом кузнечика. Удивляли не только окраска, но и размеры насекомого: оно было толщиной в руку и полметра в длину.

«А, — подумал Гоша, — это игрушка! Игрушки всегда красят по-дурачки. Мне однажды мама подарила медведя синего цвета. А теперь выпустили, значит, кузнечиков цвета пожарной машины. Наверно, малыш какой-нибудь играл и забыл. Или потерял...»

Гоша протянул руку... но только он коснулся пальцами прохладной спинки, как игрушка щёлкнула и прыгнула за забор на участок Тулумбасова.

«Пружина сработала», — решил Гоша, с сожалением глядя вслед кузнечiku. Но искать «механическое насекомое» в дебрях чужого сада он не решился.

— А, ладно! — махнул он рукой, направляясь к своей калитке.

Бабушка, нацепив на нос очки, читала свежую газету.

— Гошенька! Внучек! Ты послушай, что пишут-то! Вот и прославилась наша Ольховка!.. Ох, надо пойти поздравить Марию Семёновну и Никодима Эрастовича. Смотри-ка! — Она опять схватила газету. — Фотография сделана... это какое же место? Никак ихняя помойка? Ну да! Она и есть! Даже не верится. Вот прочти-ка сам...

Гоша положил хлеб и взял газету.

«КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ ЛЕС...

В 30 КИЛОМЕТРАХ ОТ НАШЕГО ГОРОДА!

Как стало известно, профессор Государственного университета энтомолог Никодим Эрастович Тулумбасов, изучая доисторических насекомых, случайно обнаружил в янтаре споры растений каменноугольной эпохи. Споры гигантских хвощей и папоротников оказались вполне жизнеспособными. Они проросли в саду профессора и под наблюдением учёного поднимаются с удивительной быстротой. Например, хвощ-каламит за сутки вырастает на полметра. Наш корреспондент только что вернулся из посёлка Ольховка, где с разрешения учёного он сфотографировал уникальную рощу. На снимке: роща из ископаемых растений в посёлке Ольховка».

«Так значит... этот кузнечик настоящий!» — подумал Гоша.

— Бабушка, я сейчас вер-

нусь! — закричал он, срываясь с места.

Мальчик обежал синий забор и уже хотел толкнуть калитку в сад Тулумбасова, как увидел написанное наспех объявление:

«Посторонних убедительно прошу не отвлекать от работы. Тулумбасов».

Гоша потоптался у запертой калитки, поглядел на завешенные окна и медленно побрёл обратно...

— Неужто так и написано, что, мол, не заходите и не мешайте? — удивилась баба Варя. — Кто бы подумал! Такой человек вежливый, обходительный... Ну, что ж, нельзя так нельзя.

Прошло ещё несколько дней. Роща над помойкой так поднялась, что отдельные хвощи-каламиты торчали выше крыши, как буро-зелёные минареты. В первые дни после газетного сообщения к даче Тулумбасова непрерывно шли посетители. С утра до ночи перед запертой калиткой торчали любопытные. Иные влезали на берёзу, росшую у забора, и с вершины громко передавали свои впечатления. Тулумбасов принимал только учёных, ведущих вместе с ним наблюдения над ожившими древностями. Гоша видел его очень редко. Никодим Эрастович выходил в свой «заповедник» только поздно вечером. Он осунулся, побледнел и казался опечаленным. Иногда Гоша замечал, что профессор шарит в траве около дома, что-то ищет, осматривает ли-

ловые головки чертополоха, жёлтые корзинки цикория...

НАСТУПИЛ ИЮЛЬ. Каждый день Гоша бегал купаться на озеро. Встреча с удивительной игрушкой поблёкла в его памяти. К тому же у него появились друзья, а с ними было интереснее, чем сидеть и смотреть издали на рощу Тулумбасова... И вдруг Гоша опять встретил кузнецика!

На этот раз не было никаких сомнений — это был не заводной механизм, а живое насекомое. Но как же оно изменилось за месяц! Кузнецик вырос настолько, что казался чудесным красным мотоциклом, медленно идущим по дороге.

Гоша смотрел на его зелёную (чем-то напоминающую лошадиную) голову, на длинные чёрные усы, откиннутые назад, на шесть ног «коленками назад», как поётся в песенке, на пульсирующее жёлтое брюхо, на вытянутые вдоль спины двухметровые красные крылья.

Кузнецик неуклюже ковылял по обочине дороги, обгладывая головки белой каши. Гоша был от него в трёх шагах, но не боялся: круглые глаза насекомого смотрели спокойно, почти добродушно, как глаза верного старого пса.

Гоша достал из кармана пакет с бутербродами (бабушка не отпускала его на озеро без завтрака) и, отломив кусок булки, протянул его кузнецнику:

— Кузя, кузя, нá, нá!

Насекомое остановилось, будто прислушиваясь. Мальчик бросил на землю горсть крошек и отошёл в сторону. Кузнечик, быстро перебирая высокими лапами, подошёл и остановился над кусочком булки. Зелёная, похожая на лошадиную, голова пригнулась к земле — кузнечик съел предложенное угощение и уронил изо рта каплю бурой жидкости.

— Понравилось? Слюнки потекли? — повеселел Гоша, подбрасывая под ноги Кузе новые куски. Кузнечик ел и ел, а мальчик подходил к нему всё ближе и ближе. Но только он протянул ладонь, чтобы погладить отливающее рыжим гляncем седло на спине кузнечика, как с громким треском развернулись все четыре крыла, и Кузя, подпрыгнув, полетел по широкой дуге куда-то за сады и огороды.

На другой день, захватив с собой несколько кусков хлеба, Гоша пришёл на то же место.

Кузи не было. Мальчик поглядел на пустую дорогу и позвал негромко:

— Кузя, Кузя!

И вдруг с вершины старой берёзы, треща крыльями, взлетел кузнечик. Он очертил, снижаясь, полукруг, и сел на дорогу рядом с Гошей.

— Кузя, Кузя, — ласково повторял мальчик, кроша на ладони хлеб.

Кузнечик поднял чёрные усы и уставил на него смешные, глуповато-добродушные, круглые, как пуговицы, глаза.

На этот раз Кузя позволил Гоше тихонько погладить себя по красно-бурым крыльям.

У кузнечика был необыкновенный аппетит. «Волчий», — подумал мальчик. Он скормил ему весь хлеб, а Кузе всё было мало. И когда Гоша собрался уходить, насекомое заковыляло за ним вслед, как собачонка.

— Кузька, ты дурак, — сказал Гоша, — что я с тобой буду делать у бабы Вари? Ты же в собачью будку не влезешь. Да и напугаешь бабушку.

Неизвестно, что решил бы Гоша, но позади загудела машина, и Кузя «дал свечу» в соседний сад.

Мальчик вернулся домой. Там его ждала новая неожиданность: у бабы Вари сидел Тулумбасов.

5.

ГОША СПАСАЕТ КУЗЮ

— Поздоровайся, внучек, — сказала баба Варя. — Никодим Эрастович пришёл к тебе.

Гоша неловко пожал огромную ладонь профессора.

Тулумбасов не умел разговаривать с детьми: долго и скучно расспрашивал зачем-то, в какой школе Гоша учится, есть ли двойки, кто у них «читает» биологию. Наконец, покончив с необходимым, по его мнению, вступлением, он спросил:

— Гоша, не видел ли ты... мм... не встречал ли ты какого-нибудь необыкновенного насекомого? Я, как ты знаешь, нашёл в янтаре споры древ-

них растений... Кстати, что же ты не придёшь посмотреть на них?

— Так ведь... — начал мальчик и поглядел на бабушку.

— Так вы же просили не тревожить вас, — договорила баба Варя.

— О, так это же не относится к таким хорошим соседям, как вы, — возразил Тулумбасов. — Приходите, хоть сейчас приходите!

— Спасибо! — на этот раз бабушка поглядела на Гошу.

— Так вот, — продолжал Никодим Эрастович, — у меня есть основание думать, что кроме спор... мм... что возможно в янтаре было яичко прямокрылого насекомого. И возможно, из этого яйца вышла личинка... мм... Так ты не встречал чего-нибудь такого?

— А какое оно из себя, это насекомое? — в свою очередь осторожно спросил Гоша.

— Мм... — промычал нерешительно профессор. — Может быть, кузнечик, может быть, саранча или... мм... медведка. Или — кто его знает — стрекоза...

— А оно должно быть большим?

— Да, да! Ты очень сообразительный мальчик. Очень большим. В каменноугольную эпоху жили стрекозы длиной метра два.

— А какого цвета это насекомое? — спросил Гоша, глядя в сторону.

— Этого я не знаю, — вздохнул учёный. — Да это и не так важно. Важнее всего внутреннее строение его.

А цвет... наверное, как и у наших прямокрылых, зелёный или коричневый.

— А что вы с ним будете делать? — спросил мальчик, продолжая глядеть в сторону.

— Как что? — не понял профессор. — Я его заспиртую, потом вскрою. Надо будет сделать препараты. Крайне интересно уяснить эволюцию отдельных органов прямокрылого... Вот так!

— Нет, я не видел вашего насекомого, — угрюмо сказал Гоша, глядя в пол.

— Нет?

— Нет.

— Он найдёт, он ещё найдёт, — подала голос бабушка, желая смягчить впечатление от резких ответов внука.

— Конечно найдёт, — подхватил Никодим Эрастович. — И вот ещё что... Скажи всем твоим приятелям, чтобы они тоже искали. Я в долгу не останусь. Пусть приходят, смотрят рошу... мм... могу уделить из своих коллекций насекомых. У меня есть, скажем, жуки-олени. А?

Гоша молчал, продолжая глядеть в пол. Тулумбасов распрощался и вышел.

— Что с тобой? — начала допрос бабушка. — Что ты дуешься на Никодима Эрастовича? Почему не хочешь поймав ему эту самую... как её? Саранчу, что ли? Я бы сама пошла ловить, да больно они противные.

— Ничего в них нет противного! — возразил Гоша. — И они очень умные!

— Да уж умнее тебя, как

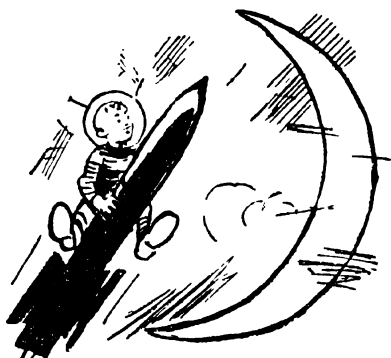
погляжу. Да они укусить могут! Они ведь сроду человека не видели. Легко ли! Триста миллионов лет! Тогда, поди, и обезьян не было, а не то что нас с тобой.

(Окончание следует)

Творчество юных

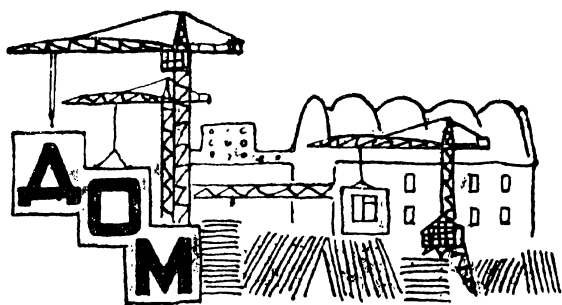

Ночь пушистые ресницы
Опускает над землёй.
Бесконечной вереницей
Сны проходят надо мной.
...Вот я в космосе летаю,
Опускаюсь на Луну.
Ангару перекрываю,
Покоряю целину.
...Из арктического мрака
Отплываю в Ленинград.
И пингвины в чёрных фраках
Чинно выстроились в ряд.
...Друг Серёга, школа, мама,
Проплывают сквозь туман.

В джунглях Южного Вьетнама
В бой веду я партизан.
И вот так всю ночь носился.
Видел звёзды и луну...
А проснувшись, огорчился,
Что во сне, не наяву.
Всё хотел бы в мире этом
Посмотреть, понять, узнать,
А потом уж стать поэтом,
Чтоб об этом написать.

Виталик АНТИПИН,
4-6 класс, 199-я школа
Рис. В. Адаева

КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛИ НА ЗАВОДЕ

1. А ПОЧЕМУ БЫ?..

Старые дома с кирпичной кладкой, с колоннами уходят в прошлое. И мне их не жалко.

Кирпичные дома строились медленно, не спеша, а сейчас нашим людям срочно нужны дома и квартиры. Скорее и больше. Нужен новый, совсем новый метод постройки.

На заводе давно уже делают не только станки, не только шкафы и скамейки, но даже майки, даже пиджаки и даже пирожные.

Почему ж дома — эти сложные «машины», в которых люди проводят две трети своей жизни, — должны до сих пор возводиться на том самом месте, где будут стоять? Почему от начала и до конца нужно делать их под дырявой крышей неба, в дожди, в жару и в холод?

А почему бы не делать дома тоже на заводе? Сначала — на заводе, потом — на месте.

2. ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ

Мне давно хотелось побывать на одном из заводов, которые выпускают дома. Наконец я попал на Автоковский домостроительный комбинат. Я приехал туда по заданию редакции и всем говорил, что должен написать об их работе не кому-нибудь, а ребятам.

Большое пространство огорожено красивым ажурным забором, сквозь который всё видно.

«А где-нибудь, незаметно, колючая проволока! — думаю я. — Как всегда, чтоб не лазили».

Но нет, колючей проволоки нет. На заборе всюду красивая марка, где заплетены друг в друга три буквы и цифры «ДСК-3», — что значит — Домостроительный комбинат № 3. Несколько зданий с огромными круглыми куполами из отдельных долек — вроде апельсина. Рядом с ними небольшие белые корбочки из блоков.

«Для себя строили, — подумал я. — Ничего, красиво».

С улицы видны большие плакаты — голубые и красные: «Газобетонный цех», «Железобетонный», «Главная комплекточная эстакада» и другие. Под открытым небом штабелями составлены готовые стены, уже покрашенные снаружи и с застеклёнными окнами. Везде чисто, ни на какую обычную стройку ничуть не похоже.

Таким мне представился на первый, поверхностный взгляд комбинат, и этому первому взгляду он понравился.

3. НАГЛЯДНО ПРО КУБИКИ

— Вы расскажите им всем, — сказали мне сразу же на комбинате, — что мы теперь делаем дома, как их делают дети.

— То есть? — спросил я, не совсем понимая.

— Кубики знаете?

— Ну?

— Дети из кубиков строят. Видали?

— Видал.

— Вот и мы по такому же принципу. Так и расскажите!

— Ладно, обещаю. Обязательно расскажу.

Тут, где я стоял, эти кубики делают. А где-то там, на строительной площадке, из этих кубиков собирают дома. Вот как просто мне всё объяснили. И наглядно.

Мы ещё интересно поговорили о кубиках, а потом я пошёл прямо в цех. И тут увидел, что не всё так уж просто.

4. СТЕНЫ ИЗ ГАЗА И, КОНЕЧНО, БЕТОНА

Сначала, разумеется, здесь делают бетон — раствор, как все его тут называют. Раствор подают в газобетонный цех.

Газобетон — это новый строительный материал. У нас в Союзе первый и единственный пока комбинат, который строит из него, — Автоковский.

— Ну и как? — спрашивал я у кого только мог. — Ничего? Хороший материал?

— А почему же, — отвечали мне. — Конечно хороший. Вы посмотрите и сами поймёте, что хороший.

Газобетон получается, если в обычный бетон добавлять алюминиевую пудру. Алюминий вступает в реакцию с известью, которая содержится в растворе, и при этом медленно выделяется газ.

В газобетонном цехе делают стены. В большие железные формы на колёсах закладывают прутья арматуры, деревянные оконные рамы и всё заливают раствором, который постепенно становится газобетоном, поднимаясь, как тесто в домашней опаре. Это его поднимают изнутри газы, делая в бетоне поры, от которых он становится лучше, меньше проводит тепло и звук тоже. А это хорошо, если звук проводится хуже, в таких квартирах будет тише, чем в сделанных из бетона. Газы пробуравливают бетон не насквозь, они устают продираться сквозь него и затихают по дороге. А если бы насквозь — это было бы плохо, сквозь такой материал продували бы ветры.

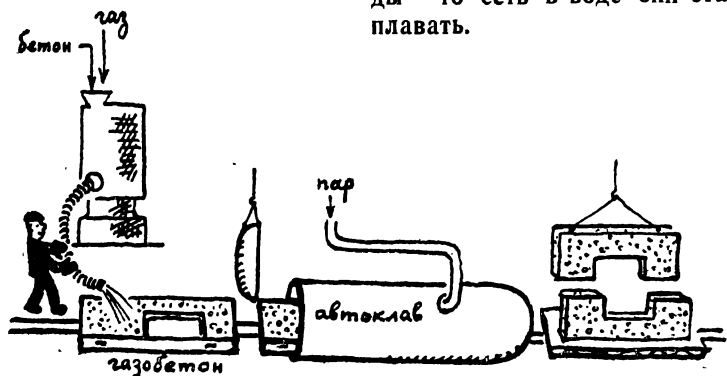
Постояв, бетон, как и тесто, вытирает из формы. Тогда лишек срезают, пока он ещё не застыл, и формы по рельсам въезжают в огромный котёл — автоклав. Их запирают в автоклаве и обрушивают на них горячий пар. В этой бане при давлении десять атмосфер они находятся восемнадцать часов.

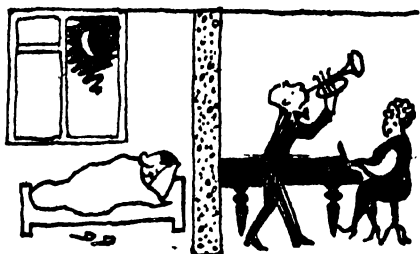
После этого стены готовы. Их вынимают, слегка штукатурят, красят снаружи водоотталкивающей краской и ставят в штабеля.

К штабелям то и дело подъезжают машины.

Вот уехала машина с тяжёлыми, опорными стенами, которые станут поперёк нового дома. Но и эти тяжёлые стены по удельному весу не тяжелее воды.

А фасадные стены и вовсе лёгкие. Они в полтора раза легче воды — то есть в воде они стали бы плавать.

Лёгкие стены — это очень хорошо. Крану легче их поднять и погрузить. Машине легче их везти, куда надо.

— А куда их сейчас? — спрашиваю я.

— Что? — переспрашивают. — Куда везут? К Петрову, к Петрову везут!

— Кто это Петров?

— Петров-то? Бригадир!

Я смотрю, как машины с прицепами едут и едут к какому-то Петрову и везут ему стены.

5. ПОЛЫ, ПОТОЛКИ И СТУПЕНИ

Для перекрытий и лестничных маршей идёт обычный железобетон — он прочнее. Из железобетона отливаются плиты и балки. Целиком отливают ступеньки для лестниц. Лестница получается красивая, тонкая — всего четыре сантиметра толщиной, но очень прочная.

Её тоже грузят на машину у железобетонного цеха.

— Поехали! — говорит диспетчер. — На трёхсотый, к Петрову!

6. ДОМ В КОМПЛЕКТЕ, С УПАКОВКОЙ

Главная комплектовочная эстакада — это бетонная площадка, а над ней ездит кран в виде буквы П. Кран отгружает комплекты домов — всё, что нужно для строительства дома, кроме стен, плит и балок. Всё заранее разложено в железные клетки, лари или связано в пачки. На каждый этаж отправляют ларь песка, сколько надо пачек паркета уже в комплекте с поперечными досками — лагами.

А вот поднимают и ставят в ма-

шину целый домик из досок, покрашенный жёлтым и красным. На крыше у домика специальный крючок, за который краны его поднимают. Окна у домика заперты ставнями, на двери — тяжёлый висячий замок.

В этом доме подобраны краски и обои, все, какие нужны для строительства. Они аккуратно подобраны и заперты в домик, чтобы не терялись.

— Это тоже поедет к Петрову? — спрашиваю я, желая показать, что я кое-что понял.

— Нет, — говорят. — Для Петрова это рано.

— Расскажите же мне про Петрова, — прошу я, заинтересованный.

— Всё узнаете, всё, не спешите, — отвечают мне. — Мы сначала покажем, как всё это комплектуется. Например, хоть обои.

7. ПОД МЫШКОЙ ПРАВАЯ КОМНАТА, А В РУКАХ — КОРИДОР

В комплектовочном цехе нас встретила девушка. Она шла нам навстречу и несла к стеллажу небольшие рулоны. На рулоне под мышкой была бирка «Правая комната», на рулоне в руках было написано «Коридор».

Она подошла к стеллажу и положила оба рулона в одну большую

клетку, в которой вместе собралась вся квартира.

Вместе с обоями комплектуются краски. В каждой комнате обои разных оттенков, — чтобы нам не перепутать, не пойти к соседям обедать или смотреть телевизор, вместо того чтобы смотреть и обедать у себя, в своей комнате.

Машина режет кромку, затем нарезаются куски для каждой комнаты, куски сворачиваются в рулоны, «комнаты» связываются в «квартиры», «квартиры» в «дома» и закладываются в специальные ящики — контейнеры.

8. В МЕСЯЦ — ВОСЕМЬ ДОМОВ

Автовский комбинат был пущен в 1960 году. Сразу же он начал выпускать больше двадцати домов в год, каждый в среднем в полсотни квартир. А таких комбинатов в нашем городе несколько.

Это было тогда. Теперь комбинат выпускает не меньше девяноста домов в год.

Всё, что я видел до сих пор, — это, оказывается, лишь половина комбината, его производственная база. Вторая часть комбината — стройплощадка. Комбинат не только делает элементы домов, но и собирает дома на площадке, сам отделяет их и сдаёт под жильё. Эта вторая часть комбината никогда не стоит на месте, она передвигается всё дальше от комбината, и сейчас до неё уже восемь километров, она уже переместилась в Дачное, застроив всё пространство домами.

— А где работает больше народу? — спрашиваю я. — Тут или на стройплощадке?

Оказалось, что сейчас людей поровну, но главная задача, к которой комбинат стремится, — уменьшить количество людей на площадке, увеличить часть работ, выполняемых на заводе. Например, штукатуры — теперь их почти совсем не будет на стройке. Стены станут поступать уже заранее оштукатуренными изнутри.

9. Я ПОЕХАЛ К ПЕТРОВУ

Теперь мне стало понятно, кто такой Петров. Он бригадир той бригады, что собирает дома на площадке. Вернее, одной из бригад, потому что их несколько.

А говорят сейчас о Петрове так много потому, что он начал собирать юбилейный, трёхсотый дом комбината.

— Там, где когда-то проходила передняя линия обороны Ленинграда, — сказали мне на комбинате, — теперь проходит передний край мирного наступления. Красиво сказано?

— Да, — соглашаюсь я. — Очень красиво.

И вот меня посадили в машину, которая везёт на площадку перекрытия, и я поехал знакомиться с бригадой Петрова.

— Вам нравятся эти дома комбината? — спрашивал я у шофёра.

— А почему не нравятся? — отвечает шофёр. — Конечно, может, кирпичные и будут потвёрже, да ведь делать их сколько? Целый год один дом. Нет, мне эти нравятся. И с фасада красивей.

Мы проехали два обелиска и танк на пьедестале.

— А это, — говорит шофёр, — передняя линия обороны. Тут ещё и сейчас при постройке встречаются доты. Их взрывают. Как говорится, сейчас тут проходит передняя линия стройки. А что, красиво сказано?

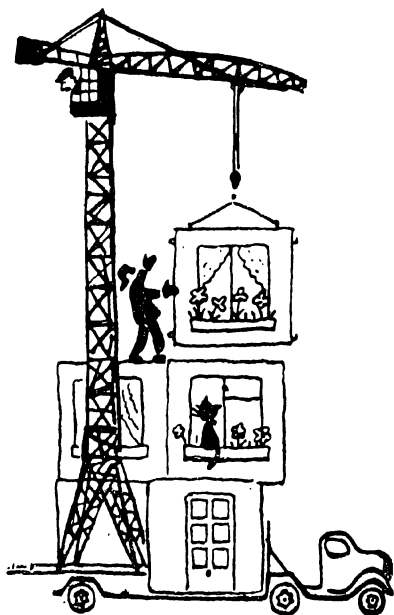
— Да, — соглашаюсь я. — Красиво. А главное, правда.

Это сравнение и на комбинате всем нравится.

Неожиданно мы остановились. На нашей дороге стоял огромный строительный башенный кран.

— Вот чёрт! — сказал шофёр. — Переезжает. Поехали вкруговую!

Кран очень медленно катился по рельсам, потом остановился, повернул стрелу назад и, схватив освободившиеся рельсы, поднял вместе со шпалами всё полотно. Осторожно перенеся, он положил полотно перед собой, рабочие заделали его, присыпали песком, и кран

стал тихонько накатываться на новые рельсы.

— А куда же он поехал? — спросил я опять.

— Дом закончил и переезжает к другому, — отвечает шофёр. — Раньше их разбирали, а теперь, видишь, ездят своим ходом.

— Что, к Петрову? — сказал я с пониманием, но вновь не угадал.

— Нет, к Петрову переехал давно. Он, Петров, уже начал.

И правда, бригада Петрова уже монтировала первый этаж.

10. ВОТ ОН, ПЕТРОВ ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Петров оказался довольно молодым человеком, не старше меня.

Я подержал в руках сколько было можно его сухую, холодноватую от работы на улице ладонь.

— Ну что ж, расскажите, как дома собирают? — попросил я, с удовольствием оглядывая готовый первый этаж, которого три дня назад ещё не было.

Подошёл парторг бригады Николай Никитович Клопов. Я с ним тоже познакомился. Подошли ещё рабочие из бригады, появился мастер.

— С чего же начать? — спросил Петров.

— Расскажи про кубики, — посоветовал мастер.

— Спасибо, спасибо, — сказал я поспешно. — Я про кубики знаю уже, у меня про кубики уже всё записано.

11. КАК СОБИРАЮТ ДОМА

Фундамент дома подготовлен заранее. Этим занимается строительный трест. Он только и делает, что строит фундаменты — в чистом поле, один за другим, — и подводит к ним воду, тепло, всё, что надо.

Меня удивило, почему вокруг стройки не сложены стены, перекрытия, балки — почти ничего. Оказывается, весь монтаж ведётся прямо с борта машины.

Машина привозит стены и ждёт, пока их снимет кран и поставит на место. Рабочие закрепляют стену железной подпоркой — струбциной, отпускают стрелу, и кран поднимает с машины вторую стену. Опороженная машина уезжает обратно, ей на смену подъезжает другая. Каждая машина стоит не более двадцати минут. Порядок, в котором собирается дом, хорошо продуман и известен диспетчеру. Машины подвозят только те элементы, которые нужны именно сейчас.

Вначале монтируют угловые наружные стены — одну и к ней углом вторую. Затем другой внутренний угол — и вот одна квартира уже очерчена. Но стены держатся ещё на струбцинах. Их выверяют по отвесу, чтоб стояли вертикально, а затем уже сваривают в месте стыка друг с другом. Струбцины отвинчивают, они теперь не нужны.

Следующими ставят стены, выходящие на лестничную клетку, — вентиляционные панели, названные так потому, что в них действительно вентиляция, — и электропанель, то есть короткую стенку, в которой проделаны все отверстия для кабелей телефона, радио и телевидения, укреплён щиток с пробками.

Поставив внутренние перегородки в квартире, сверху спускают санка-

бину, уже заранее сделанную на заводе. Так же сверху опускаются стенные шкафы, и теперь уже можно класть потолок, приступать к монтажу лестничной площадки, а потом начинать монтировать соседнюю квартиру.

Две квартиры и лестница составляют секцию. Этаж состоит из семи секций. Есть дома, состоящие из одной только секции, они совсем квадратные, их называют точечными домами.

— Разные есть конструкции домов,— говорит Виталий Михайлович.— Тот, что мы делаем сейчас, хотя и юбилейный, но уже не самый лучший. Скоро мы перейдём на другую, лучшую конструкцию.

— А вообще на юбилей нам везёт,— говорит парторг Николай Никитович.

— Да,— объясняет Петров.— Наша бригада собирала первый дом комбината, двухсотый, а теперь, как видите, трёхсотый.

— Да, — удивляюсь я, — вот именно везёт.

12. ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА

Самое главное, о чём много думают сейчас архитекторы и все, кто связан со стройкой,— как надёжнее и проще соединять друг с другом стены дома и как уплотнять стыки, то есть как их заделывать.

Сейчас соединяют стены сваркой. Для этого в каждую стенную панель заделывают при отливке железную пластину. Сверху на две такие соседние пластины накладывают железную плашку и приваривают.

Чем же это плохо?

Во-первых, сваривать всё-таки долго. Кроме того, вы знаете, сколько металла идёт на один только дом? Больше ста тонн, даже если дом маленький. Понятно, что надо сокращать расход металла.

И вот на комбинате пробуют сейчас петлевой метод монтажа: на одной стене крюк, на другой петля, крюк цепляют за петлю и соединяют обе стенки. Принцип их соединения напоминает крюк и петлю у де-

ревянной кровати. При этом не нужно накладок, и сварки не нужно. Экономится время и, конечно, металл. Уже сделан один такой опытный дом.

Мало стены соединить, нужно стык между ними хорошенько заделать, чтобы сквозь него не «проникала» в комнату улица. Это долго не удавалось строителям. Теперь научились делать и это. Горизонтальные швы просто ставят на раствор, как когда-то кирпичи; вертикальные, имеющие сложную форму (чтоб «запутать» воздух, проникающий с улицы), забивают войлоком, а потом заливают бетоном со специальными искусственными камешками — керамзитом.

Проблема уплотнения всё же остаётся самой главной. На комбинате над этим продолжают работать.

13. И, НАКОНЕЦ, БРИГАДА

— Ну и как всё же, нравятся вам такие квартиры? Такие дома? Сам газобетон? — допытываюсь я ещё и ещё.

— Вот у меня такая квартира,— говорит Николай Никитович.— Мне нравится. И стены тёплые. Я как раз сплю у стенки. Очень тёплая стенка, даже холодной зимой. И не хуже кирпича.

— В общем, надо сказать, все довольны,— говорит Петров.— Мы уже сколько настроили? На Автовской, Краснопутиловской улице, на

Южном шоссе в Московском районе, а теперь вот — Дачное. В основном, все довольны.

В бригаде было раньше тридцать три человека. Теперь осталось всего двадцать пять, и они справляются с той же работой.

— А где остальные?

— Остальные ушли в другие бригады. Народ везде нужен.

У каждого в бригаде две или три специальности. Сначала я принял это без удивления. Об этом часто пишут в газетах, все мы к этому как-то привыкли.

Вот я смотрю, как работает сварщик. Сварщику нужно уметь обращаться со сварочным электрическим аппаратом. Чтобы стать хорошим сварщиком, нужно годы учиться. А зачем штукатуру нужно знать электричество? Может, он потому и пошёл в штукатуры или, скажем, в стропали, или в бетонщики, что ещё с детства невзлюбил электричество? Есть же такие люди. Но в этой бригаде стропали умеют сваривать, сварщики могут штукатурить, бетонщики — работать на кране. Могут работать — это не просто взял

и попробовал, как получилось. Все, кто имеет вторую профессию, — имеют и право на неё, то есть специальное удостоверение и разряд.

— А как же? — говорит Петров. — Крановщик, прежде чем работать со стропалом, спросит у него удостоверение. Без него он и работать его не пустит.

Получить вторую профессию трудно. Денег же за это не платят. Деньги платят, как и всем, — за одну.

И вот теперь я могу себе представить, что за люди строят нам сегодня дома. Конечно, эта бригада из лучших, она даже борется за звание бригады коммунистического труда. В плохую меня просто бы не послали. Но она и не какая-нибудь невидаль среди всех других.

С того конца дома слышались выстрелы.

— Что это? Стреляют? — сказал я со смехом.

— Да, стреляют, — сказал Петров спокойно.

— А зачем? — удивился я, не поверив.

— Это наш пушкарь, — объяснили мне с улыбкой. — Так мы его называем. Он прибивает комнатные перегородки к потолку.

Оказывается, чтобы вбить гвоздь в бетон, им стреляют из специального строительного пистолета. Пушкарь весь чёрный от порохового дыма, потому что заряды в пистолете из пороха.

— И из пистолета тоже все у вас умеют? — спросил я несколько насторожённо, но готовый ничему не удивляться. — Этой специальностью тут тоже все владеют?

— Нет, этой не владеют.

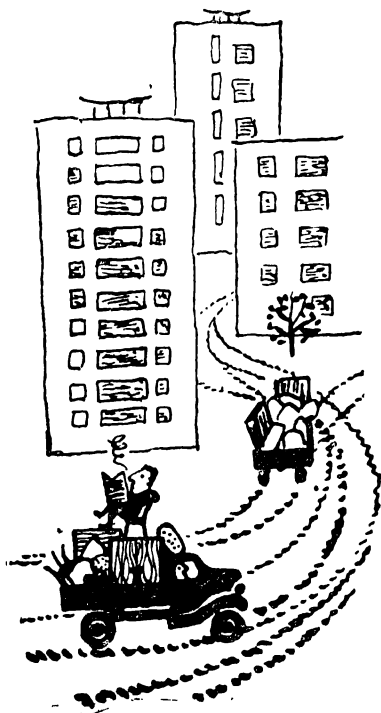
— То-то же, — сказал я, успокоившись.

14. ТРУДНОЕ ДЕЛО

— Петрова, Петрова зовут! — закричали от круглой жёлто-красной будки, что стоит на этаже посередине дома.

— Я сейчас, — говорит Петров. — Это рация.

В этой круглой будке мастера,

которую кран переставляет с этажа на этаж по мере роста дома, у бригады есть своя рация. Восемнадцать дней монтируется дом. Монтаж идёт в три смены, круглые сутки, в любую погоду. В этих ус-

ловиях связь с комбинатом необходима всё время.

— Трудное у вас всё же дело, — говорю я, прощаясь. — Я думал, что всё проще. Ну, спасибо. Теперь я всё понял.

* ~~~~~ *

Дома смыкаются в улицы

(К фотоочерку на 2-й странице обложки)

НОВЫЙ РАЙОН. Будущий и уже сегодняшний. Растут корпуса домов. Дома смыкаются в улицы. Население новых улиц пока только — строители.

Только что вы прочитали о бригаде строителей В. М. Петрова. Вот она — эта бригада. В центре группы — партгрупорг Николай Никитович Клопов. Строят они корпус № 32 в восьмом квартале на будущей улице Третьего Интернационала.

На снимке ниже в правом ряду: бригадир Виталий Михайлович Петров. Ещё снимком ниже — пушкарь Михаил Николаевич Чернов.

На строительную площадку непрерывным потоком прибывают всё новые детали домов (снимок во втором ряду в центре). А на строительном комбинате готовятся стены и крыши, лестничные марши и оконные рамы. Валя Петрова (снимок во втором ряду слева) в цехе комплектования готовит обои. На главном конвейере собираются панели (снимок в третьем ряду слева). На снимке рядом — автоклавы для запарки этих панелей. А на нижнем снимке вы видите, что «завод, где строят дома» — не маленький!.. Вот он какой — ДСК-3!

Кто где живёт

(Текст к фотографиям на 3-й странице обложки)

КАКИХ только не бывает домов! Люди строят из дерева и камня, из глины и стекла, из снега и соли...

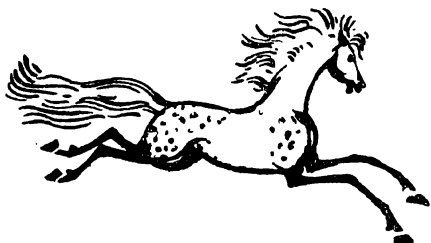
А теперь давайте посмотрим, в каких домах живут люди разных стран. Верхний снимок слева сделан на островах Адмиралтейства. Там можно встретить целые деревни на сваях — нечто вроде знаменитой Венеции. Справа — обложенный дёрном «дворец» вождя племени с острова Фиджи. Левый снимок второго ряда переносит нас в Западную Германию. Не подумайте, что это гаражи. Просто в городе Кельстербах не хватает домов и многим жителям приходится ютиться в таких неудобных бараках. Соседний снимок сделан в крупнейшем городе Марокко Насабланне. Правда, не в центре, а на окраине, где ютятся рабочие и беднота. Такие дома из дерева и жести иронически именуют «бидонвиями». Левый снимок третьего ряда сделан в Аргентине. В этих колымагах за «Высокой травой» живут люди. В таком «доме» можно путешествовать по всей стране. Правый снимок в нижнем ряду показывает тоже Аргентину. Дома как дома! Но посмотрите, какая узкая улочка, двум детским коляскам не разъехаться!

А вот столица США — Вашингтон (правый снимок в третьем ряду). На заднем плане виднеется знаменитый Капитолий. Передний план выглядит менее привлекательно, но ведь где-то надо жить и простому люду! В необъятных просторах зелёно-голубоватых вод Индийского океана затерялась цепочка Андаманских островов. Население их живёт в домах-ульях, какой вы видите на нижнем снимке справа. Подпорки, на которых держится дом, служат одновременно и «лестницами». По ним обитатели дома забираются внутрь своего жилища.

Фото Г. Сафонова

ДРУЖБА ЗВЕРЕЙ

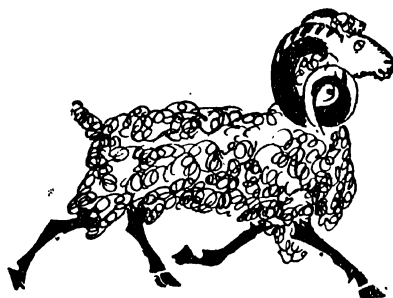
Скакун несётся вороной
По крутизне тропы
Туда, где в пастбищах весной
Полным-полно травы.

И повстречал коня петух,
Спросил, взъерошив грудь:
— Что так спешишь?
Скажи мне, друг,
Куда ты держишь путь?
— Спешу я в горные луга,
Где трав шумит прибой! —
Петух сказал:
— И я туда!
Возьми меня с собой! —

В пути им встретился баран:
— Куда спешим, друзья?
— Туда, где трав настой духмян!
— А с вами мне нельзя?
— Ну что же — вместе
веселей! —

Дорога далека...
И с высоты манят друзей
Шелковые луга.
Из-за высокого хребта
Вдруг выскочил косой:
— Пойдите, братцы!
Вы куда?
— Туда, где луг густой,
Где в росах плещется трава
В туманах навесных! —

...И вот уже несёт тропа
По взгорью четверых.
А на вершины сумрак лёг —
Сиреневый настил.
И месяц в свой певучий рог
О ночи возвестил.
Горят зловеще огоньки
Свирепых волчьих глаз,
И жадно
Щёлкают клыки
В дремучий,
Зябкий час.

И слышен грозный лязг клыков
Друзьям
Со всех сторон...
Но,
Как известно,
У волков
Предательский закон.
Такое трусов существо
(И в том их торжество):
Бросаться — всем до одного
И всем — на одного!
Стоят они в кустах сырых
И каждый щерит пасть,
Но вшестером
На четверых
Пугаются напасть.
Завыл отчаянно вожак,
Приземист и сутул;
От воя дикого в ушах
Звучал обвалом гул!
Не хочет он, матёр и лют,
Терять авторитет:
— Из четырёх роскошных
блюд —

На одного обед!
Я докажу вам, молодым,
Что я не так уж стар!
Сидите, трусы, —
Я один
С обедом
Справлюсь сам! —
Вскричал
И ринулся стремглав,
Перемахнув ручей,
Скорей,
Ещё не скрыла мгла
Опешивших друзей.
Зрачков неистовый огонь
Пробил во мраке брешь.
— А ты куда? —
Промолвил конь.
Ведь ты травы не ешь?
— А мой обед не из травы, —
Совсем иной обед,
Четыре блюда — это вы!
Хотите или нет!
Вы зря пошли без пастуха!
Пришла моя пора.
Начну, пожалуй, с петуха —
Ни пуха, ни пера!
Потом придёт барана срок, —
Мой аппетит велик!
Возьму, скручу в бараний рог
И сделаю шашлык.

Пирог зайчишкой начиня,
Устрою пир в ночи... —
Но конь прервал:
— Начни с меня —
Ты с большего начни! —
Сказал и весело заржал,
Опередив прыжок,
И злого хищника зажал
В тисках
Передних ног.
От боли волчий взгляд потух —
Ни ахнуть, ни вздохнуть!..
Взлетел на голову петух,
Баран бодает в грудь,
А заяц тоже не стоит —
Вступает в бой с врагом
И,
Как по клавишам,
Стучит
По рёбрам кулаком!
...Лишь чудом
Вырвался вожак,
Бежал
Не чуя ног
И от бессилия визжал,
Как месячный щенок!
И лишь когда настал рассвет,
Нашёл вожак своих.
Спросили волки:
— Как обед
Из этих четверых? —
И, вспомнив сильные тиски,
Бараний крепкий рог,
Завыл опять вожак с тоски,
Плашмя на землю лёг.
Злословят волки:
— Ты, слабак,
Послушай-ка,
Ха-ха!
Бежал хотя бы от собак,
А то — от петуха! —
С мольбой в глазах
Вожак сказал:
— У дружбы — свой закат,
Закон её — не наш закон,
И вам он незнаком.
И ни к чему ваш волчий смех!
Приходит торжество,
Когда стоит
Один за всех
И все —
За одного!

Авторизованный перевод с курдского
Сергея МАКАРОВА
и Валерия ШУМИЛИНА

УТОНУВШИЕ РЕКИ

Может ли утонуть... река? «Какой странный вопрос», — скажете вы. Однако наука даёт на него сегодня ответ: да, может.

Как же это происходит?

В начале тридцатых годов молодой советский учёный Георгий Линдберг отправился из Ленинграда в экспедицию на Дальний Восток. Раздольная здесь природа, — в одной «компании» встречаются сибирский кедр, угрюмая ель и весёлая виноградная лоза. Здесь родина знаменитого целебного женьшеня. Словом, дальневосточные леса и поля — это праздник красок и форм. А среди этого растительного великолепия — множество зверей, птиц, насекомых.

Но Линдберг не был ни ботаником, ни охотником. У него на «вооружении» — сачки, сети. Его интересует население водоёмов.

Свою добычу он кладёт в банки с формалином, вместо того чтобы варить из неё уху. Зачем? Ведь исследователи уже довольно точно выяснили, какие обитатели встречаются в широком полноводном Амуре и его притоках или, скажем, в реках, стекающих в Охотское море с восточного склона острова Сахалин. И там и тут есть щука, окунь, плотва... Линдберг убедился, что они одинаковые — и на острове и на материке. Но почему?

Ведь если в Амуре и его прито-

ках — Уссури, Сунгари, Амгуни — водятся одинаковые рыбы, то это вполне понятно; но как мог речной окунь заплывать из Амура на Сахалин?

«Морским путем», — скажете вы. В том-то и дело, что речные рыбы не переносят солёной морской воды, — они погибают в ней. Исключение составляют только, например, осетровые и другие «проходные» рыбы. Их потому

так называют, что они в пору нереста проходят из морей в верховья рек, где мечут икру.

Линдберг решил раскрыть тайну переселения рыб на Сахалин. Ведь не по воздуху же они туда перелетели!

Шло время. Учёный накапливал всё новые удивительные сопоставления. Оказалось, что в реках Шантарских островов, расположенных в Охотском море, тоже водятся рыбы, подобные

амурским. Дальше — больше. В пресных водах Японии рыбное население такое же, как в реках Кореи и Северного Китая. А ведь Японию отделяют от материка Японское море и Цусимский пролив!

И ещё непонятный факт: западноевропейские рыбы ничем не отличаются от своих родичей, плавающих в реках островной державы Великобритании. Пусть пролив Ла-Манш не широк, но вода в нём солёная, и нельзя думать, что ка-

кой-нибудь европейский хариус мог заплывать из Рейна в Темзу. А как попали эти рыбы в Ирландию? Это же остров в Атлантическом океане!

Линдберг много лет изучал распространение речных рыб в водоёмах мира. Ну так и есть! В реках Юконе и Анадыри, Макензи и Колыме, на Малакском полуострове и островах Суматре и Борнео, в Новой Гвинее и Австралии и ещё в ряде других районов обитают одинаковые пресноводные рыбы. А ведь все эти районы отделены друг от друга морскими преградами.

Самое поразительное, что даже между рыбами Европы и Северной Америки есть несомненное родство, хотя эти части света разделяет могучий Атлантический океан.

Словом, нет конца загадкам. Найдётся ли когда-нибудь объяснение им? Может быть, когда-то, очень давно, разобщённые ныне реки соединялись между собой?

Чтобы подтвердить эту догадку, зоолог Линдберг решил прибегнуть к помощи геологии. Надо было получить представление

о строении морского дна, — ведь оно является как бы продолжением суши.

Прежде думали, что морское дно — это равнина, занимающая, кстати сказать, две трети земной поверхности. Но когда изобрели эхолот (прибор, позволяющий очень быстро определять глубину моря), выяснилось, что царство Нептуна рельефом не отличается от суши: тоже горы, равнины, долины, реки. Да, да, мы не оговорились, именно реки, вернее — их утонувшие русла.

Вот мы плывём сегодня на лодке по реке, которая впадает в море. Но всегда ли река кончалась здесь? Ведь очертания суши менялись на протяжении геологических периодов, измеряемых многими миллионами лет. Там, где сейчас суша и даже горы, некогда было море, и наоборот: там, где сейчас море, была суша, а по ней текли реки.

Пресноводные рыбы всегда заплывают из одной реки в другую, — было бы куда заплывать! Если в Амуре и на Сахалине сейчас водятся одинаковые щуки и окуни, то это значит, что было время, когда Амур тёк дальше на восток, потому что Татарского пролива не было и нынешний Сахалин составлял единое целое с материком. Но тогда, значит, на дне Татарского пролива должно находиться древнее утонувшее русло Амура! Разведка эхолотом показала, что так оно и есть.

Эхолот обнаружил на морском дне и другие широкие долины. Геологи не знали, как объяснить их происхождение. Это помог сделать зоолог, изучивший, в каких речных системах водятся родственные рыбы.

Линдберг решил для обозначения затонувших русел прибавлять к ним слово «палео», что значит «древний». Так появился Палеоамур, а за ним Палеохуанхе. По ней-то рыбы и переселились в нынешнюю Японию, когда она была не островом, а частью материка.

В Европе удалось отыскать на

морском дне следы русел Палеорейна, Палеосены, которые сливались примерно там, где теперь плещутся волны проливов Паде-Кале и Ла-Манша.

Между учёными давно ведётся спор о том, были ли когда-нибудь сухопутные связи между Европой и Северной Америкой. Те, кто утверждает, что такие связи были, получили сейчас в руки новый козырь. На дне Атлантического океана открыт огромный каньон, извилистый и глубокий. Он напоминает русло какой-то гигантской реки протяженностью четыре тысячи пятьсот километров и шириной от пяти до девяти километров. Ложе каньона состоит из наносного речного песка.

Линдберг утверждает, что это затонувшая речная система Палеогудзон. В неё некогда впадали крупные реки нынешней Северной Америки, а также Южной Гренландии и Исландии. Палеогудзон и Палеорейн соприкасались, вероятно, где-то в районе нынешней Исландии. Вот, значит, каким сложным и далёким путём проникли европейские рыбы в Северную Америку!

Ну, а почему нельзя допустить, что расселение рыб шло совсем в ином направлении — из Америки в Европу?

Палеонтология — наука, изучающая давно вымерших ископаемых животных по их окаменевшим остаткам и отпечаткам в осадочных породах, — доказывает, что в Европе находятся более древние отпечатки рыб. Значит, там они появились раньше. Палеонтологи установили, что выюновые рыбы появились в Европе в период верхнего миоцена, а сомы — в плиоцене. В Северной же Америке этих рыб нет вовсе. Значит, они не успели туда переселиться, так как в то время — около шести миллионов лет тому назад — связь между речными системами уже была нарушена: началось погружение суши в океан.

Способ, разработанный профессором Линдбергом и названный им биогеографическим, позволяет вносить уточнения в древнюю летопись нашей планеты, глубже познавать её природу и геологическую историю.

О. КАРЫШЕВ

М. Садовский

П у т а н к а - з а п у т а н к а

Было всё наверняка:

Это — правая рука,

Это — левая рука.

А сегодня шёл, споткнулся,

Раза два перевернулся,

Где тут верх,

Где тут низ,

Лево, право — разберись?!

Если правая рука

перелевилась,

Если левая рука

переправилась...

ЦАРЬ ТАЙГИ

СВЕТАЛО медленно, по-осеннему. Из тайги, зажавшей заставу со всех сторон, тянуло утренним холодком. Сонно вздрагивали листья на деревьях. Отяжелённая крупными каплями прошедшего вечера дождя, припала к земле поблёкшая трава.

Ефрейтор Олег Ульёв неторопливо шагал по тропке с внутренней стороны забора, отделявшего заставу от леса. Ночь прошла спокойно, и Ульёву оставалось сдать пост, почистить винтовку и завалиться спать. И тогда ни гулкие шаги по казарме, ни хлопанье дверей — ничто не сможет нарушить его сна. Молодость и здоровье быстро возьмут своё.

«Вот и дымок из трубы появился», — отметил про себя Ульёв. Потом он услышал, как кто-то загремел в кухне чайником. «Глотнёт после сна горяченького и мне приготовит», — с удовлетворением подумал часовой. О том, кого приведёт дежурный на пост, Ульёв не знал, но был твёрдо уверен, что произойдёт это точно в назначенное время. На заставе каждая минута счёт любит: и та, что предназначена для службы, и та, которая отводится для отдыха. Бывают, правда, исключения. Редко, но бывают.

В это утро распорядок дня сместился на целых тридцать минут, а мало кому известный за предела-

ми заставы ефрейтор Олег Ульёв стал известен во всех пограничных войсках страны. Я, например, услышал о нём лет через двадцать после случившегося, и не на Дальнем Востоке, а на одной из отдалённых застав в Карелии.

Поджидая смену, Ульёв остановился у крыльца казармы и по привычке прислушался. Еле слышно скрипнула дверца, устроенная в заборе специально для пешеходов. Ульёв обернулся и вздрогнул. В проходе показалась огромная кошачья голова. Ульёв невольно пятился и очутился на верхней ступеньке крыльца. Несколько секунд он стоял поражённый, даже не сняв с плеча винтовку. Ко всяким неожиданностям был готов часовой, но такого «гостя» не ожидал.

Калитка между тем хлопнула, и Ульёв оказался один на один с огромным полосатым зверем. Часовой сорвал с плеча винтовку. Но тигр, нервно поводя хвостом, прошёл мимо Ульёва, словно не замечая его, и неслышно зашагал в сторону собачьего вольера. Ульёв не сводил с него глаз. Теперь, когда винтовка была в руках, его разбирало любопытство: зачем это пожаловал на заставу царь тайги? Подойдя к избушке, в которой инструктор службы собак готовил пищу своим питомцам, тигр жадно слизал с пня остатки мяса. Потом он проследовал в вольер и уткнулся головой в бачок с собачьей пищей.

«А что, если живьём взять?» — озорно подумал часовой. Он бы-

стро достиг дверцы вольера. Громко щёлкнула металлическая задвижка. Тигр оказался в клетке, как в зоопарке. Но Ульёв тут же понял: клетка не рассчитана на тигра и не так прочна, чтобы удержать огромного зверя. На всякий случай часовой держал наготове винтовку.

Очистив бачок, тигр покружил по вольеру и, не найдя выхода, громко зарычал и бросился на сетку-ограду. Но она, приняв на себя зверя, отбросила его, как футбольный мяч. Это обозлило тигра. Он снова прыгнул, рассчитывая перемахнуть забор. Раздался треск, и стенка рухнула на землю. Разъярённый тигр очутился возле часового. Ульёв выстрелил. В ту же минуту послышался голос дежурного по заставе, топот ног, захлопали двери...

Вскоре вокруг лежавшего на земле тигра шумела вся застава. Кто восхищался смелостью Ульёва, кто высказывал разные догадки насчёт причин, заставивших зверя пожаловать на заставу. Некоторые предполагали, что тигр был намерен полакомиться служебными собачками. Были и такие, которые считали, что зверь просто сбежал из какого-то цирка. Но спор решился сам собой.

— Смотрите, смотрите! — закричал кто-то. — У него ни одного зуба. Совсем беззубый. Старик, значит. Объядки пришёл на заставу подбирать...

Все сразу притихли. Задумались. Вот тебе и царь тайги!

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

«КАМЕННОЕ» ПИАНИНО

Лет шестьдесят назад француз Оноре Бедре случайно обнаружил, что камешек, подвешенный на нитке, издаёт красивый звон. Он решил собрать камни, которые будут издавать звуки в пределах двух октав. 30 лет посвятил Бедре поискам музы-

кальных камней и всё же создал «каменное» пианино. Оно выглядит довольно примечательно — в металлическом корпусе висят на шёл-

шам. При этом нужно очень точно знать место удара, так как один и тот же камень может издавать разные звуки.

Бедре на своём детище исполняет простые мелодии народных песен и даже сложные классические произведения.

ФАЗАНЫ РОДИЛИСЬ В... ИНКУБАТОРЕ

Фазаны — любимая дичь охотников, особенно в Тугайных лесах Кавказа. Однако за последнее время фазанье поголовье значительно сократилось. Недавно Бакинская птицефабрика получила необычный заказ: республиканское общество охраны природы поручило ей вывести несколько десятков... фазанов.

Редкий заказ выполнен. Молодняк подрост и выпущен в леса Кзыллагачского заповедника. Кроме того, на берегу Куры создан фазаний питомник. Его первая продукция — двести молодых фазанов — уже в прикуринских лесах.

В ближайшие годы намечено увеличить разведение фазанов до тысячи голов в год.

ковых шнурках разноцветные камешки. Специальным маленьким камнем ударяют по этим висячим клави-

«ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ НОС»

Такой «нос» обнаруживает в воздухе самое незначительное присутствие любых запахов. Достаточно пище чуть-чуть испортиться, как «нос» это немедленно зарегистрирует.

В этом «электрическом носу» сосредоточены специальные приборы, которые улавливают химические элементы, находящиеся в воздухе. Запахи превращаются в электрические токи, а они уже вращают стрелки измерительных приборов.

РЕДКАЯ НАХОДКА

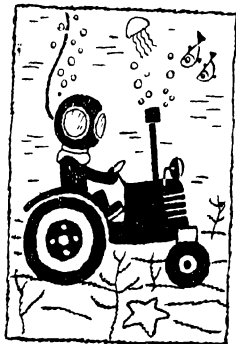
Рабочие шахты Озюкеритной, близ села Старуни Ивано-Франковской области, обнаружили мамонта и шерстистого носорога. Интересно, что нефть, преградившая доступ воздуха к трупам, содействовала их консервированию. В результате сохранились не только кожные покровы и скелет, но и внутренние органы животных. Просматриваются даже сосуды глаз носорога, а шкура мамонта была в таком хорошем состоянии, что рабочие шутили: из неё хоть сапоги шей.

Находка передана на хранение Львовскому природоведческому музею. Она пополнила коллекцию останков фауны четвертичного периода, хранящуюся в музее.

...толщина земной коры очень неравномерна? На материках она в среднем равна 35 километрам, под горными хребтами доходит до 60—70 километров. Под океанами же — всего около 10 километров.

★
...у некоторых рыб, живущих на поверхности воды, оригинально устроено зрение? Верхней частью глаза они хорошо видят над водой, а нижней — в воде. Обладают некоторые рыбы и «перископом». Рыбка перифталмус, зарывшись в ил, чтобы видеть опасность, выдвигает вверх тонкие стебельки, на которых находятся глаза. В заливах побережья Южной Америки обитают рыбы, у которых есть по две пары глаз. Два глаза ищут в иле съедобное, а вторая пара глаз обращена наверх и предупреждает об опасности.

★
...с французского побережья через Ла-Манш был успешно переправлен своим ходом трактор? На тракторе был установлен герметически закрытый мотор и специальные шины, которые обычно употребляются для работы в болотистой местности. Во время пересечения пролива большая часть трактора находилась под водой и тракторист был одет в водолазный костюм. Трактор преодолел 25 миль пролива за семь с половиной часов.

★
...знаменитые чехословацкие путешественники Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка закончили своё третье, почти пятилетнее путешествие по странам Европы и Азии? На двух автомашинах «Татра-805» они проехали около 80 тысяч километров, посетив более 30 государств, в том числе Советский Союз.

★
...берестяные грамоты, обнаруженные при новгородских раскопках, произвели сенсацию в науке? В руках историков оказалась целая серия оригинальных, никому не известных прежде памятников древнерусской письменности. Среди находок встречаются даже книжки с картинками. Такая берестяная книжка найдена под домом в слое земли, относящемся примерно к середине XIII века. Находки опровергают существовавшее мнение, что древнерусская письменность носила главным образом церковный характер. Из 420 найденных в Новгороде берестяных грамот только две содержали духовный текст.

★
...на чехословацкой фабрике «Микротехника» выпущен новый прибор таксограф? На бумажной ленте регистрируется не только расстояние, покрытое автомобилем, но и скорость, которую развивает машина. Водители, на машинах которых установлены таксографы, стали ездить значительно осторожнее. От автоматического контролёра не скроешь превышения скорости. Прибор регистрирует нарушения и «сообщает» о них руководителям автобазы или представителям службы безопасности движения.

★
...за одну минуту вся кровь в человеческом организме два с половиной раза проходит через лёгкие, отдавая при этом около 450 кубических сантиметров углекислоты и получая 500 кубических сантиметров кислорода?

★
...спутники, запускаемые с Земли, будут снабжать метеорологическую службу ежедневно подробными сведениями о погоде на всём земном шаре? По фотоснимкам облаков, переданным со спутника, удалось обнаружить сильный ураган в Тихом океане за два дня до того, как синоптики «нашли» его по данным наземных наблюдений.

Из бортового журнала шхуны «Находка»

Отдел ведёт В. Ахентьев

(Записки капитана Мореходова и его
друзей)

16 мая. Запись произвёл Миша.

Вчера поздно вечером бросили якорь у берегов неведомой земли. Сегодня с утра отправились в рекогносцировочный поход. На судне остался только боцман. Капитан, Костя, Валя и я высадились на берег.

Нельзя сказать, чтобы наш поход был совсем безрезультатным: Костя нашёл рукоятку от матросского ножа... Собственно, это ещё вопрос, кто именно её нашёл, Костя или таинственный «не то барсук, не то кунница» — он высунул свою острую мордочку из норы ни раньше ни позже, а как раз тогда, когда Костина голова находилась в тридцати сантиметрах... От неожиданности (только от неожиданности, я вовсе не хочу сказать, что один из них испугался!) Костя разжал руку, цеплявшуюся за корни, и полетел вниз. К счастью, мы ещё только начали взбираться по откосу, и всё обошлось благополучно.

Костя говорит, что увидел рукоятку ещё до приземления. Она лежала на галечнике, совсем на виду, и просто удивительно, что минуту назад, когда все мы стояли на дне ложбины, её никто не заметил! Валя пред-

свою изумительную память, перечислил из числа прочитанных им книг те, в которых писалось о тайниках в ручке ножа, и Костя начал перечислять. Все засмеялись, а капитан сказал: «Отставить!»

Валя тоже смеялась. А потом сказала:

— А что, если этот Костин пират жил очень давно?

— Ну и что? — спросил Костя. (Это было двести одиннадцатое его «ну и что?», считая со второго числа.)

— А то, что он ведь не читал всех этих книг и потому вполне мог сделать тайник в ручке ножа...

От усилий вникнуть в смысл Валиных слов у меня зашумело в голове, а капитан сказал:

— Валюша, ты даже не представляешь себе, как часто всех нас выручает твоя загадочная логика!..

Вечером того же дня. Запись произвёл капитан Мореходов.

Боцман увидел рукоятку там, куда я её положил, — в стеклянном шкафу кают-компания. Он неодобрительно отозвался о человеке, вырезавшем на кости надпись:

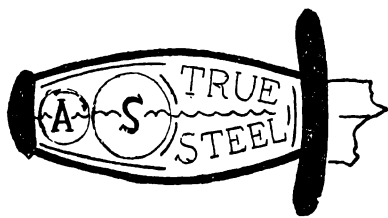
— Зачем же он букву-то вверх ногами вырезал?

Я достал рукоятку и — клянусь розой ветров — Максимыч оказался прав!.. Удивительно, как я сам этого не заметил. Правда, эта буква относилась к числу таких, которые не меняются от перевёртывания, — ну как, например, О, Н, И, — но всё же нетрудно было заметить, что она перевёрнута, и боцман установил это с первого взгляда.

И тут... когда я подумал о том, до чего в сущности нелепо одну из букв старательно сделанной надписи вырезать перевёрнутой, меня осенила догадка!..

Так мы обнаружили в ручке ножа тайник.

В нём оказалось два клочка бумаги. Чего только не было на одном из них — какие-то смешные человечки, флажки, странные знаки. Пусть я никогда не возьму в руки штурвал, если я видел прежде что-либо подобное!..

положила, что рукоятку вытолкнул из норы «нетобарсук».

— А зачем же тогда он выглянул из норы? Полюбоваться на Костю? — добавила она.

(Девчонки всё-таки очень ехидные — все, даже лучшие из них!)

Всю дорогу Костя развивал мысль, что рукоятка когда-то принадлежала ножу, который некогда принадлежал пирату, который наверняка сделал в ней тайник, в котором спрятан документ, в котором указано, как найти клад, который этот пират наверняка зарыл где-нибудь поблизости... Я попросил Костю, чтобы он, опираясь на

Второй был разграфлён на клетки — тридцать шесть клеток, из которых четыре перечёркнуты...

Долго изучали мы свою находку, стараясь сообразить, что к чему, и в конце концов установили следующее: если в 32 свободные клетки вписать алфавит, то получится таблица, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ МОЖНО ПРОЧЕСТЬ ВСЁ, ЧТО НАПИСАНО НА ВТОРОЙ БУМАЖКЕ — ВСЁ ОТ СЛОВА ДО СЛОВА! Впрочем, там получится не так уж много слов — всего семь!..

Приписка, сделанная позднее:

Если бы знали мы тогда, к каким событиям приведёт нас цепочка, первым звеном которой были эти семь слов!

Дорогие читатели, сегодня мы начинаем печатать выдержки из путевого журнала капитана Мореходова и его друзей. Если вам интересно узнать приключения экипажа шхуны «Находка», напишите нам.

Постарайтесь также ответить на три вопроса:

1. Как, по вашему, открывался тайник в ручке ножа?

	1	2	3	4	5	6	
1							1
2							2
3							3
4							4
5							5
6		Я	Х	Х	Х	Х	6
	1	2	3	4	5	6	

2. Впишите алфавит в клетки таблицы (обратите внимание на положение буквы «Я»).

3. Пользуясь полученной таблицей, расшифруйте загадочные знаки.

Постарайтесь справиться с задачей и послать свои ответы в течение 15 дней.

СОДЕРЖАНИЕ

Вот так метелица! Стихотворение Н. Егорова	1
Кровь и камни. Очерк Г. Петрова	2
На пле-чо! Стихотворение И. Михайлова	17
Человек с железным оленем. Очерк В. Кононенко	18
Нос. Стихотворение В. Лейкина	30
Kuzia succipus. Научно-фантастическая повесть Льва Стекольниковца	31
Сон. Стихотворение Виталика Антипина	43
Дом, который построили на заводе. Очерк В. Марамзина	44
Дружба зверей. Стихотворение Шкое Гасана	52
Утонувшие реки. Статья О. Карышева	55
Путанка-запутанка. Стихотворение М. Садовского	57
Царь тайги. Рассказ А. Ионина	58
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки рисунок художника К. Бекташева «С Новым годом!».

На 2-й странице обложки фотоочерк Г. Сафонова «Дома смыкаются в улицы».

На 3-й странице обложки фотоочерк «Кто где живёт».

На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Что к чему?».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115
Телефон: А 2-87-55

Сдано в набор 10 XII 1964 г. Подписано к печати 23/I 1965 г. 4 печ. л.
М-31023 Заказ № 1820. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

КТО ГДЕ ЖИВЁТ

(Текст
читайте
на 53-й странице)

Мы
пришли
на карнавал,
Нас художник
списовал.
Только в руки
(вот досада!)
Дал он нам не то,
что надо..
Было некогда еще
Разберитесь,
что к чему?

